

Интернациональный
университет трудящихся и эксплуатируемых
(Рабочий университет)

Обществознание большинства

№ 4

Москва. Декабрь 2007

Периодическое издание
Обществознание большинства. Выпуск 4. – М.:
Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет). Декабрь 2007.–
94 с.

Общее руководство изданием - Б.В.Ракитский
Коллегия главных редакторов
отдельных выпусков:

М.Д.Мандель
Г.Я.Ракитская
Б.В.Ракитский

Главный редактор выпуска № 4
Ракитская Г.Я.

© Авторы статей, 2007

© Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет), 2007

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119571 Москва **119361**, ул. Озерная, 25-287;
тел. (495)437-04-97.

E-mail: shkولاتd@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ выпуска № 4

Б. В. РАКИТСКИЙ.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ.....	4
<i>Рабочее время. Алфавитные истины.....</i>	<i>5</i>
<i>Разные отношения по поводу рабочего времени при двух разных моделях эксплуатации.....</i>	<i>6</i>
<i>Примитивная формула взаимоотношений по поводу рабочего времени.....</i>	<i>9</i>
<i>Особенности отношений по поводу рабочего времени.....</i>	<i>14</i>
<i>Интересы капитала, касающиеся рабочего времени.....</i>	<i>17</i>
<i>Риски нарушения интересов капитала, касающихся рабочего времени.....</i>	<i>25</i>
<i>Многообразие практических форм достижения интереса капитала.....</i>	<i>26</i>
<i>Интересы трудящихся по поводу продолжительности и режимов рабочего времени.....</i>	<i>32</i>
<i>За что бороться? Против чего бороться?.....</i>	<i>45</i>
<i>Субъекты, представляющие интересы трудящихся. Способы регулирования отношений по поводу рабочего времени.....</i>	<i>47</i>
<i>Тенденции формирования социальных стандартов рабочего времени.....</i>	<i>49</i>
<i>Принципы действий трудящихся при новых инициативах капитала (администрации), касающихся рабочего времени и режимов работы.....</i>	<i>51</i>

Г.Я.РАКИТСКАЯ

**ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ГУМАНИЗМ КАК НОВАЯ СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ
СОБСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТРУДЯЩИХСЯ.....56**

*От пролетарского – к последовательному
революционному гуманизму.....56*

*Об историческом субъекте последовательного
революционного гуманизма.....60*

Вероятность гуманного будущего.....64

*Собственное общественное пространство
жизни трудящихся классов – предпосылка поворота
к социализму..... 66*

**ДОКУМЕНТ. Закон Украины «О Голодоморе 1932–1933
годов в Украине». 28 ноября 2006 г..... 70**

Г.Я.РАКИТСКАЯ

**ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА – ОШИБОЧНАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ.....74**

*Необходимость и жанр научной экспертизы
идеологических доктрин.....74*

*Позиция, с которой актуально проведение
научной экспертизы учения о диктатуре
пролетариата.....75*

*Выводы научной экспертизы учения
о диктатуре пролетариата.....79*

*Диктатура пролетариата как его организация
в господствующий класс.....80*

*Характер социально-структурных реформ
в переходный период к новому
общественному строю.....85*

*Диктатура и демократия как формулы
политической практики.....89*

*Ракитский
Борис Васильевич*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

В июне 2007 г. на семинаре Школы трудовой демократии в С-Петербурге, договариваясь о следующей встрече, я спросил рабочих «Форд Мотор Компании» и «Почты России»:

- Дайте, пожалуйста, ваш социальный заказ науке. Что именно, какая практическая проблематика выдвигается сейчас на первый план?

- Рабочее время, – ответили сразу и дружно. – И заёмный труд.

Спасибо за ориентировку. Я взялся осмысливать проблемы продолжительности и режимов рабочего времени. Исследовательское пространство оказалось отнюдь не затоптанным. Стал готовить главу «Продолжительность и режимы рабочего времени» для нашего университетского (ИУТЭ) учебника «Социально-трудовые права и свободы». Но получилась не только глава в учебник. Открылась потребность новых теоретико-методологических постановок. Придёт время – и на кафедрах нашего университета развернутся исследования совершенно новой научной школы, возвращенной на благодатной методологии целостно-обществоведческого подхода.

Очень хочется внести посильный вклад в эти будущие исследования. Исходя из этого перерабатываю главу из учебника в эту методологическую статью. Прошусь к Вам, учёные Интернационального университета трудящихся и

эксплуатируемых 2020-2030-х годов, если не в соавторы, то в предшественники, заслуживающие упоминания.

Рабочее время. Алфавитные истины

Рабочее время, его продолжительность в течение суток, недели, месяца, года; его режим; его сочленение с временем отдыха, с временем, отведённым иным, нетрудовым формам жизнедеятельности, – всё это, казалось бы, вечные вопросы. Вся жизнь человека – время, оно складывается из отрезков (периодов) разного предназначения. Труд, работа – лишь одно из предназначений.

Поскольку человек живёт и трудится в обществе, постольку структура его жизнедеятельности обретает более или менее типизированный¹ вид. И проблемы, связанные с рабочим временем (продолжительность, режимы, мера нормального и чрезмерного), типичны для тех или иных состояний общества.

Фундаментальный факт, от которого никак нельзя абстрагироваться (отвлекаться, считать этот факт несущественным), – устройство общества на принципах «господства – подчинения», на основах эксплуатации. Общественно-организованным является и труд господ, и труд подчинённых. Но рабочее время, режимы рабочего времени складываются по-разному у эксплуататоров и у эксплуатируемых. Мы рассматриваем ниже по преимуществу труд эксплуатируемых, труд подавляющего большинства.

¹ *Типизированный (от «тип») - отражающийся в сознании (осознаваемый) как присущий многим, а не только отдельным людям. По-научному, типичное (типическое) – это множественное отражение в сознании реально особенного как неразрывного (взаимопроникающего) единства всеобщего и единичного (единства определённости всеобщего и закономерно связанного с миром единичного, отдельного, индивидуального).*

Разные отношения по поводу рабочего времени при двух разных моделях эксплуатации

При разных моделях эксплуатации проблема рабочего времени стоит и решается принципиально по-разному.

Одни формы эксплуатации используют механизмы изъятия части **результата** труда. Например, арендатор отдаёт часть произведённого продукта в уплату за аренду земли и других средств производства. Зависимый крестьянин (работник) платит оброк тому, от кого зависит (помещику, феодалу). Во всех подобных случаях эксплуатируемый работник **сам** ведёт трудовой процесс, **сам** формирует структуру своей жизнедеятельности, включая рабочее время, его продолжительность и режимы. Мера эксплуатации, конечно, нависает над ним как существенное обстоятельство, но эксплуататор (или уполномоченный им надсмотрщик) **не руководит непосредственно** процессом труда, не организует процесс труда.

Другие формы эксплуатации основаны на механизме организации процесса труда непосредственно эксплуататором (или его уполномоченным надсмотрщиком или управляющим).

Рабский труд (на плантациях, на рудниках, приисках, на строительстве) был, по-видимому, первой формой, в которой эксплуататор непосредственно организовывал процесс труда и производства. Первой, но не последней. Барщина приняла эстафету от рабства. Эстафету от барщины приняли капиталистическая мануфактура и капиталистическая машинная фабрика.

Формы, в которых эксплуататор сам организует производство, могут быть разными. Но если он его организует непосредственно, то есть сам комбинирует факторы производства и сам управляет процессом производства, то он (эксплуататор), как было замечено всеми в XIX веке и ещё раньше, всегда заинтересован в удлинении рабочего времени нанятых работников

(времени использования рабочей силы)². Взаимоотношения управляющего и управляемого при таком типе организации производства предполагают реальную зависимость работника от организатора производства, обеспечение реального подчинения или принуждения к труду.

Капиталистическая машинная индустрия впервые создала реальное подчинение труда эксплуататору без «внешнего» принуждения, без видимости насилия. Работник нанимается на капиталистическую фабрику сам, будучи свободным и даже равноправным гражданином. Конкретный эксплуататор не принуждает его к найму. Угроза голода, холода, нищета – вот что фактически принуждает работника к найму. В отличие от этого, владелец плантации или рудника в рабовладельческую эпоху **порабощает** носителей рабочей силы. Феодал **закрепощает** крестьянина ради барщины. Порабощение и закрепощение обладателей рабочей силы порождены именно потребностями эксплуататора, непосредственно организующего производство, в обеспечении гарантированного массива труда, рабочего времени.

Эту глубокую связь отметил в XIX веке К.Маркс. Крепостничество возникает не везде, а только там, где барщина становится основной формой феодальной эксплуатации крестьянства. «Барщина соединялась в Дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, но она составляла основную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное

² Мы вернёмся позже к этому утверждению и покажем, что в ходе развития эксплуататорского общества могут создаваться и создаются условия, когда рабочая сила практически перестаёт быть ограниченным ресурсом. При таких условиях кардинально меняются подходы эксплуататора-организатора производства к продолжительности рабочего времени нанятых работников.

состояние возникало из барщины»³. К.Маркс добавляет, что это относится также и к Германии, особенно к Ост-Эльбской Пруссии. История закрепощения (а также и история раскрепощения) крестьянства в России также подтверждают отмеченную К.Марксом причинно-следственную связь. Крепостное право не распространилось на крестьян в тех областях, в которых барщина не использовалась как господствующий хозяйственно-производственный уклад. Когда уральским заводчикам в 18 веке потребовалась рабочая сила, они имели возможность нанимать вольных работников, но они предпочли крепостных, потому что организовывали производство в основном по типу барщины. Заводские крепостные – одна из самых жестоких форм крепостничества. Барщина – она и на заводах барщина. Просто её как форму эксплуатации использует не помещик, а заводчик-феодал.

Капиталист не нуждается в явном порабощении или закрепощении работника. И хотя зависимость труда от капитала образно именуют наёмным рабством, эта зависимость отнюдь не рабская и не крепостническая. Капиталистический способ производства поставил себя вне конкуренции с докапиталистическими укладами посредством более высокой продуктивности (производительности труда). Большинство трудоспособных лишились возможности просуществовать иначе, нежели нанявшись на капиталистически организованные предприятия. Именно на этих предприятиях и в форме этих предприятий сосредоточены материальные, финансовые, научные, организационные ресурсы, без соединения с которыми труд не может быть продуктивным в необходимой и достаточной мере (по меркам данного общества). Это и держит труд в реальной зависимости от капитала. Держит крепче, чем рабское или крепостное состояние, а обходится капиталистам дешевле.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-ое изд. Том 23. С.248. – М.: Госполитиздат. 1960.

Зависимость эксплуатируемого от эксплуататора, таким образом, не исчезла, а видоизменилась. От прежнего эксплуататора работник зависел как раб (полностью бесправный человек) или как крепостной (человек с сильно ограниченными правами). От капиталиста эксплуатируемый трудящийся зависит, будучи лично свободным человеком, граждански равноправным с капиталистом.

Качественное изменение зависимости эксплуатируемого от эксплуататора глубинным образом преобразует их взаимоотношения по поводу форм применения рабочей силы, организации труда вообще и по поводу рабочего времени – в частности.

Примитивная формула взаимоотношений по поводу рабочего времени

Примитивная (до карикатурности) формула взаимоотношений эксплуататора и эксплуатируемого крепко сидит в головах управляющего и работников, а нередко и высказывается. Со стороны эксплуататора (и его управляющего) так: «Заставить работать побольше, а платить поменьше!» Со стороны работников иначе: «Меньше работать – больше получать!»

Распространённость подобных представлений – свидетельство слабой цивилизованности общества и низкой культуры общественной организации труда. Если у нас в России часто сталкиваешься с такими примитивными представлениями, то понять это можно, только оглядываясь на нашу историю – как на давнюю, так и на недавнюю. Лишь в 1861 г. отменено крепостное право. Лишь с середины 20 века большинство населения живёт и трудится в городах. Крестьяне в своём большинстве по сути дела никогда и не вели на собственной земле собственного хозяйства, долго были крепостными то у помещика, то у колхоза или совхоза. Со времён сталинской индустриализации труд на предприятиях был стеснён рядом ограничений и обременений корпоративистского (казарменного) типа, носил следы и

оттенки трудовой армии и трудовой повинности. Период «шоковых рыночных реформ» 1990-х годов ещё ниже уронил труд как то, чем человек может дорожить. Так что нечего и удивляться, что представления о взаимоотношениях управляющего и работника по поводу труда вообще и рабочего времени, в частности, располагаются не в цивилизованной, а в варварской плоскости.

Общественное бытие определяет общественное сознание. В «Архипелаге ГУЛАГ» А.И.Солженицын описывает отношение к труду советских людей, попавших в гэбистское рабство. При этом ухватываются существеннейшие черты, свойственные труду в колхозах, в совхозах, на предприятиях тоталитарного общества.

Вставка-иллюстрация

Из книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования».

Из «Части III. Истребительно-трудовые».

Из «Главы 19. Зэки как нация».

Пояснение от автора статьи

Из множества мест книги, излагающих тему эксплуататоров и эксплуатируемых, приводим только три страницы из главы «Зэки как нация».

Опасаемся, что многие не читали «Архипелаг ГУЛАГ» и потому станут недоумевать насчёт странного тона этой главы. Дескать, что за блажь изображать заключённых как нацию? Что за странная манера вроде как ёрничать, рассказывая и обобщая ужасающие факты, горчайшую правду?

Друзья, Александр Исаевич в этой главе рыдает! криком кричит! Это плач по родному народу. Но не след мужчине биться в истерике, не след причитать. Вот он и ёрничает, истекая болью и кровью.

Давайте поймём его... Давайте вникнем в суть сказанного им. Услышим. И пусть это станет малой частью нашего покаяния в том, что всё это творилось при нас, при нашем непротивлении, а то и с нашей помощью. В лагерях, в колхозах, да и на воле тоже...

«Мы уже говорили, что у зэков нет своей письменности.

Но в личном примере старых островитян⁴, в устном предании и в фольклоре выработан и передаётся новичкам весь кодекс **правильного** зэческого поведения, основные заповеди в отношении к работе, к работодателям, к окружающим и к самому себе. Весь этот вместе взятый кодекс, запечатлённый, осуществлённый в нравственной структуре туземца, и даёт то, что мы называем **национальным типом зэка**. Печать этой принадлежности встраивается в человека глубоко и навсегда. Много лет спустя, если он окажется вне Архипелага, сперва в человеке узнаешь зэка, а лишь потом – русского или татарина, или поляка.

В дальнейшем изложении мы и постараемся черта за чертой оглядеть комплексно то, что есть народный характер, жизненная психология и нормативная этика нации зэков.

ОТНОШЕНИЕ к казённой РАБОТЕ. У зэков абсолютно неверное представление, что работа призвана высосать из них всю жизнь, значит, их главное спасение: работая, не отдать себя работе. Хорошо известно зэкам: всей работы не переделаешь (никогда не гонись за тем, что вот мол кончу побыстрее и присяду отдохнуть: как только присядешь, сейчас же дадут другую работу). **Работа дураков любит.**

Но как же быть? Отказываться от работы открыто? Пуще нельзя! – сгноят в карцерах, смотрят голодом. Выходить на работу – неизбежно, но там-то, в рабочий день, надо не **вкалывать**, а «ковыряться», не **мантулить**, а **кантоваться, филонить** (то есть, не работать всё равно). Туземец ни от одного приказа не отказывается открыто, наотрез – это бы его погубило. Но он – **тянет резину**. “Тянуть резину” – одно из главнейших понятий и выражений Архипелага, это – главное спасительное достижение зэков (впоследствии оно широко перенято и работягами воли). Зэк выслушивает всё, что ему приказывают, и утвердительно кивает головой. И – уходит выполнять. Но – не выполняет! Даже чаще всего – и не начинает. Это иногда приводит в отчаяние целеустремлённых неумолимых командиров производства. Естественно возникает желание – кулаком его в

⁴ Островитянами, туземцами автор называет заключённых (зэков) – обитателей истребительно-трудовых лагерей, то есть «островов» архипелага ГУЛАГ (Прим. Б.В.Р.).

морду или по захрястку, это тупое бессмысленное животное в лохмотьях, — ведь ему же русским языком было сказано!.. Что за беспонятливость? (Но в том-то и дело, что русский советский язык плохо понимается туземцами, ряду наших современных представлений — например, “рабочая честь”, “сознательная дисциплина” — на их убогом языке даже нет эквивалента.) Однако, едва наскочит начальник вторично — зэк покорно сгибается под ругательствами и тут же начинает выполнять. Сердце работодателя слегка отпускает, он идёт дальше по своим неотложным многочисленным руководящим делам — а зэк за его спиной сейчас же садится и бросает работу (если нет над ним бригадирского кулака или лишение хлебной пайки не угрожает ему сегодня же, а также если нет приманки в виде зачётов). Нам, нормальным людям, даже трудно понять эту психологию, но она такова.

Беспонятливость? Наоборот, высшая понятливость, приспособленная к условиям. На что он может рассчитывать? ведь работа сама не сделается, а начальник подойдёт ещё раз — будет хуже? А вот на что он рассчитывает: сегодня третий раз начальник скорее всего и не подойдёт. А до завтра ещё дожить надо. Ещё сегодня вечером зэка могут услатить на этап, или перевести в другую бригаду, или положить в больничку, или посадить в карцер — а отработанное им тогда достанется другому? А завтра этого же зэка в этой бригаде могут перекинуть на другую работу. Или сам же начальник отменит, что делать этого не надо или совсем не так надо делать. От многих таких случаев усвоили зэки прочно: **не делай сегодня того, что можно сделать завтра**. На зэка **где сядешь, там и слезешь**. Опасается он потратить лишнюю калорию там, где её может быть удастся не потратить. (Понятие о калориях — у туземцев есть и очень популярно.) Между собою зэки так откровенно и говорят: **кто везёт, того и погоняют** (а кто, мол, не тянет, на того и рукой машут). В общем, работает зэк **лишь бы день до вечера**.

Но тут научная добросовестность заставляет нас признать и некоторую слабость нашего хода рассуждения. Прежде всего потому, что лагерное правило “кто везёт, того и погоняют” оказывается одновременно и старой русской пословицей. Находим мы у Даля⁵ также и другое чисто зэковское выражение: “живёт **как бы день к вечеру**”. Такое

⁵ В. Даль. “Пословицы русского народа”. М., 1957, стр. 257.

совпадение вызывает у нас вихрь мыслей: теория заимствования? теория странствующих сюжетов? мифологическая школа? Продолжая эти опасные сопоставления, мы находим среди русских пословиц, сложившихся при крепостном праве и уже отстоявшихся к XIX веку, такие:

- Дела не делай, от дела не бегай (поразительно! но ведь это же и есть принцип лагерной **резины!**).

- Дай Бог всё уметь, да не всё делать.

- Господской работы не переделаешь.

- Ретивая лошадка недолго живёт.

- Дадут ломоть, да заставят неделю молоть. (Очень похоже на эковскую реакционную теорию, что даже большая пайка не восполняет трудовых затрат.)

Что ж это получается? Что через все светлые рубежи наших освободительных реформ, просветительства, революций и социализма, екатерининский крепостной мужик и сталинский зэк, несмотря на полное несходство своего социального положения, –жимают друг другу чёрные корявые руки?.. Этого не может быть!

Здесь наша эрудиция обрывается, и мы возвращаемся к своему изложению.

Из отношения к работе вытекает у зэка и ОТНОШЕНИЕ К НАЧАЛЬСТВУ. По видимости он очень послушен ему; например одна из “заповедей” зэков: **не залупайся!** – то есть не спорь с начальством. По видимости он очень боится его, гнёт спину, когда начальник его ругает или даже рядом стоит. На самом деле здесь простой расчёт: избежать лишних наказаний. На самом деле зэк совершенно презирает своё начальство – и лагерное и производственное, но прикровенно, не выказывая этого, чтобы не пострадать. Гурьбой расходясь после всяких деловых объявлений, нотаций и выговоров, зэки тут же вполголоса смеются между собой: **было бы сказано, а забыть успеем!** Зэки внутренне считают, что они превосходят своё начальство – и по грамотности, и по владению трудовыми специальностями, и по общему пониманию жизненных обстоятельств. Приходится признать, что часто так и бывает, но тут зэки в своём самодовольстве упускают, что зато администрация островов имеет постоянное преимущество перед туземцами **в мировоззрении**. Вот почему совершенно несостоятельно наивное представление

зэков, что начальство — это *как хочу, так и кручу*, или “закон здесь — я!”

Однако это даёт нам счастливый повод провести различительную черту между туземным состоянием и старым крепостным правом. Мужик не любил барина, посмеивался над ним, но привык чувствовать в нём нечто высшее, отчего бывали во множестве Савельичи и Фирсы, преданные рабы. Вот с этим душевным рабством раз и навсегда покончено. И среди десятков миллионов зэков нельзя представить себе ни одного, который бы искренно обожал своего начальника.

А вот и важное национальное отличие зэков от наших с вами, читатель, соотечественников: зэки не тянутся за похвалой, за почётными грамотами и красными досками (если они не связаны прямо с дополнительными пирожками). Всё то, что на воле называется трудовой славой, для зэков по их тупости — лишь пустой деревянный звон. Тем ещё более они независимы от своих опекунов, от необходимости угождать».

Нормальный цивилизованный капитализм развивает взаимоотношения между эксплуатируемыми и эксплуататорами по поводу рабочего времени, очень далёкие от примитивной, варварской модели. Хотя ген отношений эксплуатации всегда схож и в своём простейшем (неразвёрнутом) виде тяготеет к примитивным схемам: «Заставить работать побольше — платить поменьше!» и «Меньше работать — больше получать!»

Беда, если сознание эксплуатируемых трудящихся улавливает суть взаимоотношений с эксплуататорами на уровне лишь примитивных схем. С таким сознанием никакое эффективное сопротивление эксплуатации невозможно, не говоря уж об эффективном наступлении на эксплуататорскую систему.

Особенности отношений по поводу рабочего времени

Первое, что существенно и что мы уже установили: рабочее время становится непосредственным поводом (предметом) социально-трудовых взаимоотношений эксплуататора и эксплуатируемого лишь в тех случаях,

когда эксплуататор является непосредственным организатором производственного (а в его составе и собственно трудового) процесса. Понятие «непосредственный организатор» означает при этом, что собственник сам или посредством управляющих (наёмных эксплуататоров) принимает организационные решения, осуществляет хозяйственную власть на производстве (на предприятии).

В законодательстве разграничение двух моделей эксплуатации, о которых упоминалось выше, фиксируется в виде различения, с одной стороны, трудовых отношений и, с другой стороны, – гражданско-правовых договорных отношений при выполнении работ и оказании услуг. С работниками любой профессии могут заключаться либо трудовые договоры найма (контракты), либо договоры гражданско-правового характера. Разделительная черта проходит так: *кто организует труд работника* – наниматель или сам работник, обязавшийся выполнить конкретный заказ за определённую цену.

Разграничение характера труда и отношений по поводу труда по критерию «кто организует труд работника» – имеет, как показала история, фундаментальное значение. Достаточно указать, с одной стороны, на проблематику и идеологию самоуправления применительно к производственным процессам, а с другой, – на тейлоризм и его подходы, включая урочную систему. Напомню, что одну из причин малой производительности труда (одно из препятствий «уничтожению медленной работы») Ф. У. Тейлор видел в «непроизводительных, грубо-практических», то есть ненаучных, по его понятиям, методах производства. Рабочего, по учению Ф.У.Тейлора, надо существенно разгрузить от выполнения функций организации (самоорганизации) труда, переложить эти заботы рабочего на администрацию. «Устанавливается, – описывает Тейлор идеальный результат перемен, – **почти равномерное распределение труда и ответственности** между администрацией предприятия и рабочими. Администрация берёт на себя все те отрасли (имеются в

виду аспекты – прим. Б.В.Р.) труда, для которых она является лучше приспособленной, чем рабочие, тогда как в прошедшем почти весь труд целиком и большая часть ответственности были возложены на рабочих.

Пожалуй, наиболее выдающимся отдельным элементом современной научной организации является идея задания, или урока. Это задание, или урок подробно специфицирует не только то, что должно быть сделано, но и как оно должно быть сделано, и указывает точную величину времени, предоставленного для выполнения данной работы»⁶.

С некоторых пор сходное разграничение характера процессов и отношений по критерию «кто организует, кто обеспечивает» стало требоваться применительно к подготовке работника к труду. Проблематика получила уродливое наименование формирования «человеческого капитала». Пропагандисты концепций «человеческого капитала» чаще всего оставляют в стороне (отводят от глаз) центральный социальный вопрос: как складываются отношения эксплуатации работника, если вложения в его «человеческий капитал» сделал работодатель.

Но это – к слову. Вернёмся к нашей теме.

Отношения по поводу рабочего времени возникают только в том случае, когда работу (труд) организует непосредственно эксплуататор (в капиталистическом обществе это наниматель, работодатель). Это обстоятельство определяет вторую особенность.

Вторая особенность отношений по поводу рабочего времени состоит в том, что организатор производственного процесса (работодатель, эксплуататор) имеет перед работниками очевидное преимущество: именно он принимает организационные решения, формирует производственный процесс, определяет место труда в этом процессе. То, что для работодателя преимущества, для работника – слабость позиции во взаимоотношениях. Изменения, связанные с рабочим

⁶ ТЕЙЛОРИЗМ: изложение системы и её социально-трудовой анализ. Сост. Б. В. Ракитский. – М.: Школа трудовой демократии. 2005. С. 11, 15.

временем (продолжительность, режим), работодатель имеет возможность готовить заранее, сочлняя эти изменения с организационными и технологическими схемами производства. Работники могут узнавать (и чаще всего действительно узнают) об изменениях графиков, режимов и других параметров рабочего времени, когда «всё уже решено», «поезд ушёл» и «ничего невозможно изменить». То есть работники ставятся перед фактом изменения и не могут повлиять на ситуацию. В таких случаях их протесты не могут обычно привести к перемене решения по существу. Приходится либо смириться с решением работодателя, либо менять место работы. В лучшем случае удаётся отвоевать отсрочку введения перемен или некоторую компенсацию.

Трудовое законодательство может предусматривать, а может и не предусматривать обязанность работодателя заранее извещать работников о планируемых и предстоящих изменениях, касающихся продолжительности и режима рабочего времени. Работники при заключении трудовых договоров и коллективного договора могут добиваться фиксации тех или иных обязательств работодателя, касающихся продолжительности и режимов работы и их изменений. Правомерны требования учитывать интересы работников при подготовке решений, связанных с изменениями в продолжительности и режиме рабочего времени. Обсуждение подобных требований может включаться в перечень вопросов при коллективных переговорах. Разумеется, вопросы рабочего времени могут стать требованиями, удовлетворения которых работодателем работники добиваются посредством забастовки или иных форм протестных действий.

Интересы капитала, касающиеся рабочего времени

Ремесленник ли, крестьянин ли, любой доиндустриальный работник, если он трудился самостоятельно (не на барщине, не на плантации), сам формировал комбинацию видов жизнедеятельности (труд,

отдых, семейно-бытовые дела) в течение дня, недели, сезона, года. Обстоятельства климата, погоды, общественной культуры были единственными ограничениями, с которыми он должен был считаться. Длительность рабочего времени (индивидуального, семейного, артельного) регулировалась «по силам» и «по опыту». Работник (работники) сам был организатором труда. Средства производства **функционировали в соответствии с тем, как работник формировал своё рабочее время.** Средства производства были придатками к труду работника.

Дело коренным образом переменялось, когда в организации трудового процесса определяющим фактором стал режим функционирования машины⁷. Работник стал придатком машины. Теперь **труд стал функционировать в соответствии с тем, как функционирует машина (и машинная фабрика).**

Начальный период распространения фабричного производства показал поразительную «прожорливость» фабрик по отношению к рабочей силе. Капитал в этот период удлиняет и удлиняет рабочий день, не считаясь с необходимостью обеспечивать элементарные условия воспроизводства «племени рабочих»⁸. Вот как обобщает логику капитала в этот период К. Маркс:

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день

⁷ Уже мануфактура привязывает работника к чёткому разделению труда и организованности на основах строгой кооперации. Но машина завершает этот процесс, переводит организацию производства и труда в необратимое состояние для большинства работников.

⁸ Богатый исторический очерк классовых взаимоотношений по поводу рабочего времени в Англии дан в главе 8 «Рабочий день» I тома «Капитала» К. Маркса. – См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С.242-311.

насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому всё время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье — то всё это чистый вздор! Но при своём безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища даётся рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу даётся уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведёт не только к захирению

человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведёт к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путём сокращения продолжительности его жизни»⁹.

Какова сущностная основа такой логики действий капитала? В чём, иначе говоря, его (капитала) коренные интересы, касающиеся рабочего времени?

К. Маркс в 1860-е годы попытался дать ответ на эти вопросы.

Он прежде всего отметил:

« ...У рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определённое количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Кроме этих чисто физических границ удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объём и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социальных границ. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. самой различной длины»¹⁰.

Далее К. Маркс обращает внимание на принципиальное сходство исторически разных способов эксплуатации:

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С.274-276.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С. 243-244.

«Капитал не изобрёл прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский аристократ, этрусский теократ, римский гражданин, норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист»¹¹.

К. Маркс констатирует факт «слепого хищничества» эксплуататоров:

«...У капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же проще: в непосредственной погоне за барщинными днями»¹².

Некоторое сомнение в абсолютности тенденции «слепого хищничества» вызывает у К. Маркса следующее соображение:

« ...Если противоестественное удлинение рабочего дня, которого капитал необходимо домогается в своём безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение изношенных рабочих сил, т. е. издержки на воспроизводство рабочей силы должны быть больше, – совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее изнашивается машина. Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня»¹³.

На наш взгляд, К. Марксу не удалось научно строго и глубоко выявить интересы капитала, касающиеся рабочего времени. Дело не в оценке научных достижений К. Маркса, а в уяснении вопроса: можно ли его выводы класть в

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С. 246-247.

¹² Там же. С.248.

¹³ Там же. С. 276.

основу теории рабочего времени при капитализме. Такая теория остро необходима, ибо без неё невозможно со строгой последовательностью и глубиной разобраться в современных новациях капитала в области организации форм найма и режимов рабочего времени.

Выводы К. Маркса, утверждаем мы, недостаточны по своей глубине и полноте для того, чтобы строить на них теорию рабочего времени, по крайней мере, в части определения интересов капитала, касающихся рабочего времени. Приведём два довода в пользу нашего утверждения.

Довод первый. «...Казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня»¹⁴, – замечает К. Маркс. В каких исторических условиях складывается и заставляет с собой считаться такая необходимость? К. Маркс обозначает эти условия: когда *именно капитал* должен обеспечить средства, необходимые «для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса»¹⁵. В этих условиях «противоестественное удлинение рабочего дня», по логике воспроизводственных взаимосвязей, действительно, должно обернуться нежелательным ростом издержек (расходов), что не в интересах капитала.

Но всегда ли существуют такие условия? Для ***индивидуального капиталиста*** они практически никогда не существуют как объективное ограничение, ибо режим конкуренции освобождает его от ответственности за состояние дел в хозяйстве в целом. Значит, вопрос в том, являются ли отмеченные К. Марксом условия объективным ограничением для капитала как класса капиталистов в данной стране. По смыслу процитированного отрывка, речь идёт у К. Маркса о «собственном интересе капитала» как о *классовом* интересе.

Так вот: для капитала как класса отмеченное объективное ограничение – то есть ответственность за обеспечение средств, необходимых и достаточных для

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С. 276.

¹⁵ Там же. С. 276.

«воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса», – может существовать в определённые исторические эпохи, но может и не существовать. Если демографическая и экономическая ситуация в мире складывается так, что занятого непродуктивным трудом или вовсе незанятого трудоспособного населения хоть отбавляй, капитал любой страны начинает относиться к трудовым ресурсам как к даровым природным ресурсам и не считает для себя обязательным выделять (тратить) средства, необходимые «для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса». Собственный интерес капитала, как обозначил его К. Маркс, перестаёт включать в себя процесс воспроизводства рабочего и рабочего класса. По крайней мере, перестаёт быть таким, как описал его К. Маркс.

Довод второй. В чём же тогда этот «собственный интерес капитала»? Не получается ли, по К. Марксу, что в «слепом хищничестве» использования рабочей силы в форме удлинения рабочего дня (даже ценой сокращения жизни рабочего)? Такая трактовка «собственного интереса капитала», касающегося рабочего времени, по меньшей мере очень и очень неубедительна. Она вроде бы подтверждается историческими примерами, собранными К. Марксом в I томе «Капитала». Но она не подтверждается многими примерами более поздних исторических эпох и особенно массовидными примерами из современной эпохи, когда рабочему классу нередко приходится вести классовую борьбу с капиталом против сокращения рабочего дня и рабочей недели. Это заставляет нас заново поставить и решить вопрос о содержании «собственного интереса капитала», касающегося рабочего дня. При этом мы не отвергаем вывода К. Маркса, что интерес этот состоит в удлинении рабочего дня, а предполагаем только, что вывод К. Маркса может отражать один из частных случаев проявления собственного интереса капитала.

Итак, в чём состоит интерес капитала (и как класса, и как индивидуального капиталиста) касательно рабочего времени?

К. Маркс прав, что это интерес эксплуататора. Но капитал как эксплуататор не так примитивен, не так обременён социальными обязательствами и не так зажат в своём хозяйственном функционировании ресурсными ограничениями, как рабовладелец или феодал. В его распоряжении найм – удобнейшая для него форма привлечения рабочей силы на время, нужное для производства. И притом привлечения «с ограниченной ответственностью»¹⁶. Рынок труда доставляет капиталисту достаточно рабочей силы. Всегда ли есть нужда удлинить рабочий день? Далекое не всегда. Вот что действительно всегда необходимо обеспечивать, – так это массив и состав труда, необходимый и достаточный для оптимального (конкурентоспособного) функционирования той комбинации ресурсов, которая называется капиталистическим предприятием. Рабочая сила – придаток этого комплекса ресурсов. **Её должно быть достаточно по количеству (объёму), качеству и структуре.** Полагаем, что этого и достаточно для выявления существа интереса капитала, касающегося рабочего времени.

Интерес капитала, касающийся рабочего времени, состоит в том, чтобы капиталистическое предприятие как комплекс ресурсов было обеспечено таким объёмом, таким качеством и таким составом рабочей силы, которые необходимы и достаточны

¹⁶ Капиталист не испытывает тех затруднений с работниками, с которыми сталкивается помещик-крепостник. Вот выдержка из письма князя И. И. Барятинского (один из просвещённейших вельмож своего времени) от 21 апреля 1819 г.: «Если бы не бояться прослыть странным, я всех бы тунеядцев своих отпустил на волю, но с тем чтобы выгнать их из вотчин и взять на место того вольных. Сим только единственным способом можно искоренить этот род глупых и развратных людей...». (Цитировано по книге: С. А. Фёдоров. Марьино князей Барятинских. История усадьбы и её владельцев. – Курск. «Крона». 1994. С. 102).

для его оптимального эффективного (прежде всего конкурентоспособного) функционирования.

Перемена представлений об интересах капитала в области рабочего времени – далеко ведущая перемена. Научное абстрагирование от конкретных исторических проявлений интереса капитала продвигает к более глубокому выявлению их классовой сущности. А это продвижение уже не исключает ни прежде произошедших проявлений классового интереса, ни происходящих ныне и требующих научного раскрытия и оперативной реакции, ни всех реально и абстрактно вероятных будущих проявлений. Если бы К. Маркс прорвался к пониманию сущности интереса капитала относительно продолжительности и режимов рабочего времени, многие поколения эксплуатируемых могли бы опираться на его теорию и научное предвидение будущих межклассовых конфликтов и исторических ситуаций, при которых работникам придётся бороться против сокращения рабочего времени, за «прикрепление рабочего к машине» (за занятость рабочего на постоянном рабочем месте) и т. п. Но, увы! Капитал наступает там, откуда наступления работники не ждали, а их теоретики – не предвидели. Теоретическая слабость – самый опасный вид разоружённости и самый стратегический просчёт в системе классовой самозащиты эксплуатируемых

Риски нарушения интересов капитала, касающихся рабочего времени

Если сформулирован классовый интерес, то логично определить и основные риски его нарушения (невозможности его удовлетворить в достаточной мере). Речь ведь идёт о динамической (живой) общественно-экономической практике, о функционировании реального общественного воспроизводства в его капиталистической форме. С какими рисками сталкивается капитал как класс и отдельные капиталистические предприниматели, если взять аспекты рабочего времени?

Аспекты рабочего времени (надо на всякий случай напомнить об этом) было бы ненаучным рассматривать сами по себе, в отрыве от более широкого круга социально-трудовых процессов. Мы рассматриваем продолжительность и режимы работы (и отдыха) в составе и в контексте комплекса общественных условий труда. В этом комплексе выделяем (не разрывая целостных связей) три его части: а) общественные условия формирования и реализации трудового потенциала; б) продолжительность и режимы работы и в) условия вознаграждения за труд. Мы подчёркивали и подчёркиваем, что эти три части – части целого. Когда эти части рассматриваешь одну за другой (а тем более – одну из трёх), не только у читателя, но и у самого исследователя свойство их целостности может отдаляться на третий-пятый планы, а то и вовсе ускользать из внимания. Между тем целостность, взаимодействие этих частей – крайне существенное свойство реальной практики.

Например, мы хотим теперь рассмотреть риски, с которыми сталкивается капитал, желающий наилучшим образом удовлетворить свой интерес, касающийся рабочего времени. До этого, допустим, мы рассматривали риски, с которыми сталкивается капитал, когда желает обеспечить наёмной рабочей силой организуемое и управляемое им производство. В теоретической книге мы разделим эти риски на две части, а в практике капиталистического руководства производством этого разделения нет. Обе части связаны с обеспечением производства нужным объёмом, нужным качеством и нужным составом рабочей силы. Разница состоит разве что в режимах оперативности этого обеспечения: процессы найма решают проблемы обеспечения производства рабочей силой в более общем плане, а процессы организации рабочего времени – в более конкретном и оперативном планах.

Сказанное объясняет, почему определение рисков, связанных с рабочим временем, не всегда строго отсекает эти риски от рисков, связанных с наймом, с формированием персонала. В этом отсечении нет нужды

на практике, а потому и в теоретических разработках нет нужды добиваться чёткости классификации рисков, если она (скрупулёзная чёткость классификации) может нарушить восприятие целостности практики (и со стороны интереса капиталиста, и со стороны его действий ради достижения интереса).

После такого методологического этюда вернёмся к вопросу о круге рисков нарушения интересов капитала, касающихся рабочего времени.

Основные из этих рисков таковы:

- осязаемый недостаток (или явный избыток) общей массы труда в конкретный период (смена, сутки, неделя) по причинам, не поддающимся регулированию со стороны управляющих. Колебания общего числа «выходов» происходят по причинам недисциплинированности работников, по болезни и некоторым другим причинам;

- некомплектность персонала, вышедшего на работу в данную смену, по сравнению с требуемым составом по квалификации, профессиям и другим параметрам, подлежащим соблюдению;

- недостаточная «делимость» товара рабочая сила, в результате чего приходится допускать к работе и оплачивать рабочую силу в большем объёме, чем требуется для производства (к примеру, держать на полной ставке работника, тогда как он требуется всего 5-6 часов в сутки);

- необходимость соблюдать социальные права работника. Эта необходимость выступает не как вероятный риск, а как совершенно обязательное (императивное) ограничение для управления трудом;

- необходимость считаться с неблагоприятными последствиями той или иной организации рабочего времени для личной и семейной жизни;

- необходимость учитывать, что та или иная организация рабочего времени может противоречить сложившемуся образу жизни, культуре, ценностным установкам, морали того общества и того класса, к которому принадлежат работники;

- консерватизм, инертность людей, их негибкость в освоении режимов рабочего времени, оптимальных для экономически эффективного производства;

- колебания оперативных потребностей самого производства (по причинам вероятных нарушений ритма; аварий; необходимости наверстать упущенное и войти в график; дополнительных заказов или сокращения заказов и т.п.);

- конфликтность взаимоотношений управляющих и управляемых (латентная и открытая), в результате чего может развиваться скрытое торможение работы (саботаж) или открытое сопротивление с приостановкой и даже с прекращением работы.

Многообразии практических форм достижения интереса капитала

Капитал, господствуя в обществе, а отдельные капиталисты, - господствуя на предприятиях, обеспечивают свои интересы по привлечению необходимого и достаточного объёма, качества и состава рабочей силы на нужное для производства время. Они выстраивают систему организации труда, минимизирующую риски оперативных сбоев в обеспеченности производства рабочей силой. Конкретные формы и системы организации труда многообразны. При этом организация рабочего времени всегда остаётся их существенной компонентой.

При всём необозримом, казалось бы, многообразии практических форм, в которых капитал (как класс и как армия обособленных предпринимателей) обеспечивает свои предпринимательские интересы относительно рабочего времени, можно выделить (подметить) два типа, два образа его действий.

Один тип, один образ действий применяется тогда, когда в комбинации факторов производства рабочая сила является ***придатком*** материально-технических и организационных факторов. Другой тип (и образ действий) характерен для ситуаций, когда трудящийся является

решающим фактором, обеспечивающим успех всего предпринимаемого дела. Примером ситуаций первого типа является так называемый индустриальный (машинно-фабричный) труд, примером ситуаций второго типа - научные исследования (особенно фундаментальные), конструирование, разработка новых технологий, дизайнерских решений, программирование и т.п.

Труду как приладку налаженного действия машин, механизмов, технологий свойственна высокая мера стандартизованности действий, а потому и высокая мера взаимозаменяемости. Напротив, труд как решающий фактор обновления производства, а тем более радикальных производственных новаций – не стандартизован, разнообразие является предпосылкой и условием порождения вариаций, из которых в дальнейшем следует отобрать наилучшие варианты.

Из отмеченного проистекает принципиальная разница подходов к организации труда и регламентированию капиталом (работодателями) рабочего времени эксплуатируемых трудящихся.

Труд, нацеленный на инновации (нестандартизованный), организуется на началах не то чтобы свободы действий работников, а скорее на началах широкой автономности их действий. Мы не станем сейчас глубоко входить в эту тему – в тему организации и эксплуатации по преимуществу умственного труда со значительными творческими свойствами. Отметим лишь, что продолжительность и режимы рабочего времени не являются при таком труде главной заботой «хозяина». Эффективный хозяин выстраивает стратегии и тактики успешной эксплуатации инновационных видов труда совсем не так, как способы эксплуатации стандартизованного труда.

Стандартизованные виды труда организуются работодателем, исходя из максимизации времени функционирования того производственного комплекса, в котором рабочая сила является приладком материально-технических, технологических, сезонных, иногда ситуативных факторов. «Производство требует!» – таков

для работодателей высший критерий оправданности конкретных норм продолжительности и режимов рабочего времени. Идеальной для работодателя является такая рабочая сила, которая сознательно принимает верховенство «требований производства», как будто Господь Бог, а не работодатель сконструировал и наладил такую, а не иную схему производства. Тоталитарный строй, между прочим, практикует не только рабский принудительный труд (как в приведённой выше иллюстрации из «Архипелага ГУЛАГ»), но и жертвенный энтузиазм трудящихся, подвижнически относящихся к своим производственным обязанностям (И. В. Сталин не зря сказал: «Труд в СССР стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма»).

Капиталистический работодатель принципиально (то есть по своему устройству как фигуры общественной) отрицает какие-либо гуманистические ограничения, которые могут быть наложены на продолжительность и режимы рабочего времени, на применение тех или иных запретов или ограничений на конкретные формы организации труда, графики работы и т. п. Такие ограничения он никогда не принимает добровольно, лишь закон и правопорядок, а также сопротивление трудящихся могут заставить предпринимателя соблюдать устанавливаемые гуманитарные ограничения. Трудовое законодательство и договорная практика любой страны полны такими конкретными ограничениями. Ими полны также международные документы, фиксирующие принципы и нормы организации социально-трудовых отношений.

Проиллюстрируем это.

В Трудовом кодексе Российской Федерации правовые нормы рабочего времени и времени отдыха сосредоточены в основном в разделах «IV. Рабочее время» и «V. Время отдыха». Часть норм, регулирующих продолжительность и режимы рабочего времени и время отдыха, содержится в «Разделе XII. Особенности регулирования труда отдельных категорий работников».

Фундаментальной и как бы основополагающей нормой является установление законом нормальной

продолжительности рабочего времени. В ТК РФ это сделано в виде установления *максимально допустимой* недельной продолжительности рабочего времени:

«Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю» (ст. 91 ТК РФ).

Трудовой кодекс РФ содержит понятие «сокращённая продолжительность рабочего времени» и устанавливает размеры сокращённой продолжительности рабочего времени для различных категорий работников (с учётом возраста и инвалидности работников, вредности и опасности условий труда). Получается, что нормальная продолжительность рабочего времени фактически дифференцирована (неодинакова для разных категорий работников). Это касается не только недельной нормы рабочего времени, но и годовой его нормы, так как для некоторых категорий работников устанавливаются дополнительные отпуска.

Такие ограничения со стороны государства касаются всех предпринимателей, носят императивный характер. Императивность этих ограничений в Кодексе законов о труде РСФСР подчёркивалась специальным положением: «Нормы продолжительности рабочего времени не могут быть изменены по согласованию между администрацией предприятия, учреждения, организации с профсоюзным комитетом предприятия, учреждения, организации или с рабочими и служащими, если иное не предусмотрено законодательством» (ст. 41 КЗоТ РСФСР).

Законом РФ от 25 сентября 1992 г. статья 41 исключена из КЗоТ РСФСР. Ограничения ослабли. Распространились нарушения предельно допустимой продолжительности рабочего времени, в том числе по сговору администрации с «партнёрствующими» профкомами предприятий, учреждений, организаций и с рабочими и служащими, зажатými условиями «шоковых реформ» до жестокого режима выживания.

Практика капиталистического конкурентного хозяйствования заставляет предпринимателя изыскивать такие конкурентные преимущества, которые видоизменяют и продолжительность, и режимы работы. Трудовое

законодательство не сразу, но всё же реагирует на такие инновации, пополняясь всё новыми и новыми нормами, содержащими установление меры допустимости разного рода модификаций (видоизменений) нормальной продолжительности и нормальных режимов работы. Так возникли нормы закона:

- о неполном рабочем времени;
- о продолжительности ежедневной работы (смены);
- о работе в ночное время;
- о работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени, в том числе:
 - о сверхурочной работе;
 - о дополнительной работе при ненормированном рабочем дне;
- о неполной рабочей неделе;
- о работе в режиме гибкого рабочего времени;
- об учётных периодах;
- о сменной работе и о графиках сменности;
- о суммированном учёте рабочего времени;
- о разделении рабочего дня на части.

Подобное же происходит и с законодательством о времени отдыха. Законодатель оформляет допустимые в данных условиях параметры видоизменений продолжительности и режимов рабочего времени, которые придумывает предприниматель, ищущий для себя конкурентных преимуществ и заставляющий работников приспособляться к придуманным видоизменениям.

Интересы трудящихся по поводу продолжительности и режимов рабочего времени

О том, что эксплуатируемые трудящиеся имеют свои интересы по поводу рабочего времени, говорится обычно мало. Тот период рабочего движения, когда требование ограничения нормального рабочего дня 8-ю часами было основным или одним из основных, ушёл в историю. Взамен этого требования не возникло такого, которое объединяло

бы большинство трудящихся не только в национальных (по странам), но и в интернациональных масштабах.

Причина такого нового положения кроется скорее всего в том, что столкновение интересов эксплуататоров и эксплуатируемых рассредоточилось на множество эпизодов. Каждый эпизод видится порождённым конкретными обстоятельствами и конкретными инициативами конкретных предпринимателей, касается вроде бы конкретной группы (категории) работников, кажется сугубо своеобразным и локальным (местным, внутрикорпоративным делом). Такое видение формирует подход: каждая конкретная проблема, связанная с продолжительностью и режимами рабочего времени, подлежит конфликтной постановке и конфликтному решению в пространстве, ограниченном *непосредственными* участниками (сторонами) конфликта – начальниками, вводящими неблагоприятный для работников режим работы, и работниками, которых этот режим прямо касается.

Разнообразие конкретных конфликтных ситуаций по поводу рабочего времени и режимов работы, конечно же, не означает отсутствие общего корня конкретных конфликтов. Как раз наоборот: в конкретном проявляется нечто общее, коренное, постоянно, регулярно порождающее возобновление уже знакомых и возникновение совсем новых, доселе неизвестных конкретных конфликтов. Однако ***видение и понимание общих, коренных причин утрачено или не выработано***. Поэтому и нет полновесных, крупных, объединяющих требований, которые выразили бы коренные общеклассовые интересы эксплуатируемых по поводу продолжительности и режимов рабочего времени, объединили бы классовые действия и тем самым решительно благоприятно повлияли бы на общественную обстановку, в которой плодятся конкретные локальные конфликты¹⁷.

¹⁷ *Вновь напоминаю, что проблемы рабочего времени могут быть плодотворно поставлены и рассмотрены лишь в целостном контексте общественных условий труда.*

Обоснование коренных общеклассовых интересов эксплуатируемых по поводу продолжительности и режимов рабочего времени требует серьёзных научных исследований на собственной идеологической и методологической базе. Буржуазное общественное сознание намеренно избегает этой проблематики. Видимо, поэтому и международные документы о социальных и социально-трудовых правах, когда дело касается проблем рабочего времени и режимов работы, оказываются особенно скудными. Конвенции МОТ №1 (1929) и №30 (1930) устанавливают предельную продолжительность рабочей недели и рабочего дня, но не содержат даже намёка на обоснование этой продолжительности. Таковы же и последующие документы МОТ о рабочем времени. Скудость правовых норм Европейского Союза отмечена крупным специалистом по сравнительному и международному трудовому праву И. Я. Киселёвым¹⁸.

Глубоких научных обоснований классовых интересов эксплуатируемых трудящихся в сфере продолжительности и режимов рабочего времени, повторяем, пока нет. Некоторые опорные мысли и подходы содержатся в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей. Примерный круг подобных мыслей и подходов таков:

1. Мысли об обобщающих характеристиках положения трудящегося человека в обществе.

Фундаментальным (и отправным) является мировоззренческое представление об общественной практике как о совокупной преобразующей деятельности общества. Все участники этой деятельности представляют

Поэтому крупные мобилизующие трудящихся требования могут иметь смысловым центром не обязательно рабочее время, а и другие ключевые проблемы общественных условий труда. Требование 8-часового рабочего дня в своё время было ударным требованием во всей системе проблем общественных условий труда. Но в современной системе проблем ударным вполне может быть требование иного типа.

¹⁸ Киселёв И. Я. Сравнительное и международное трудовое право. Учебник для вузов. - М.: ДЕЛО. 1999. С. 560.

собой здоровые силы общества, обеспечивающие прогресс, социальное развитие. Обмен деятельностью, разделение и кооперация труда представляют собой общественный механизм социализации (обобществления) практической преобразовательной деятельности. Любой трудящийся, включённый в общественную практическую деятельность, вправе претендовать на достойное положение в обществе. Отсюда напрашивается вывод, что низведение трудящегося на роль товара рабочая сила – историческая несправедливость. Социальное положение трудящегося адекватно может быть описано именно как положение человека, участвующего в общественной практике, в общественно организованной и общественно полезной преобразовательной деятельности.

Применительно к проблематике продолжительности и режимов рабочего времени изложенный подход к социальному положению трудящегося контрастирует с подходом капитала к работнику как к товару рабочая сила, то есть как к средству (фактору) производства, лишённому субъектности в организации производства подобно иным, неодушевлённым факторам производства (машинам, оборудованию, сырью и т. п.).

Учение о социальном положении рабочего человека и рабочего класса развито К. Марксом и Ф. Энгельсом в представлениях о социалистическом (коммунистическом) обществе, а применительно к условиям капиталистической эксплуатации – лучше всего в книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845)¹⁹.

В представлениях о будущем социалистическом (коммунистическом) обществе самой важной является **идея свободного и полного развития трудящегося человека**²⁰. Она всецело корреспондирует с идеей

¹⁹ Энгельс Ф. «Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам» – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 2. С.231-517.

²⁰ У русских последователей К. Маркса (например, у В. И. Ульянова-Ленина) идея свободного и полного развития иногда вульгаризирована и подменена идеей всестороннего развития личности.

социального равенства и с идеей общества без эксплуатации. При анализе положения трудящихся и эксплуатируемых ценным является подчёркивание тех моментов негуманного обращения капитала с работниками, которые *обнаруживают объективно необходимые общественные условия труда*, которых капитал, однако же, лишает работников.

2. Мысли о том, чего работник лишён при капиталистической организации рабочего времени, но что должно быть при гуманной организации хозяйствования.

К. Маркс и Ф. Энгельс и их последователи не разработали научной модели (программы) требований, которые рабочий класс вправе предъявлять капиталу в части организации рабочего времени. Но при анализе проблем рабочего дня отмечен ряд несправедливых лишений трудящихся. Их следует ещё раз отметить (ещё раз – потому что в начале статьи всё это уже цитировалось), но теперь уже на предмет извлечения идей для позитивных требований.

а) Мысль об объективности физических и социальных границ изменения рабочего дня.

«Человек, – пишет К. Маркс, – может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определённое количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Кроме этих чисто физических границ удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объём и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социальных границ. Но как те, так и другие границы весьма

растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности»²¹.

б) Мысль о том, что капитал игнорирует часть потребностей эксплуатируемых трудящихся, присущих им как людям, как членам общества.

Капитал лишает эксплуатируемого «времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья»²².

в) Мысль о недопустимости чрезмерного труда, разрушающего работника.

«...При своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища даётся рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу даётся уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С.243-244.

²² Там же. С. 274.

сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведёт не только к захирению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведёт к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путём сокращения продолжительности его жизни»²³.

Октябрьская революция в России через несколько лет после Гражданской войны потерпела поражение: на рубеже 1920-1930-х годов в СССР произошла качественная деформация строя, от социализма осталась одна лишь фразеология, а фактически установился тоталитаризм (фашизм). Если бы не это обстоятельство, то есть если бы продолжал развиваться социалистический строй, практика породила бы плодотворные подходы к регулированию рабочего времени и режимов работы. Но реальной практики социалистического строительства не возникло не только в СССР, но и в других странах, называвших (или называющих) себя социалистическими²⁴. Деформации строя были весьма существенными.

Почему мы заговорили о практике действительного социалистического строительства? Потому что именно такая практика может породить и представления о достойном социальном положении свободного труженика,

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 23. С..275.

²⁴ Мы готовы допустить в качестве редкого исключения опыт Югославии как способный породить новые подходы. Деформации социализма там были, похоже, меньшими, чем в иных «социалистических» странах. Но, к сожалению, не располагаем сведениями насчёт югославской практики регулирования рабочего времени и режимов работы.

и опыт продвижения шаг за шагом к такому социальному положению. Проблематика рабочего времени и режимов работы нашла бы в контексте практического развития такого социального положения трудящихся своё органическое место.

Но практики социалистического строительства нет и не было. Из чего при их отсутствии исходить, ставя задачу научного обоснования коренных интересов эксплуатируемых трудящихся в сфере продолжительности и режимов рабочего времени?

Современные эксплуатируемые трудящиеся – потомки нескольких поколений эксплуатируемых. Образ жизни и характер труда многих поколений складывался в обстановке эксплуатации. При переходе от одного вида эксплуатации к другому и образ жизни, и характер труда, и режимы труда менялись. Но они всегда оставались формируемыми эксплуататорами. Идеализировать какое-либо исторически конкретное социальное положение эксплуатируемых нет оснований, хотя при сравнении тех или иных характеристик можно различать меньшее или большее зло, отмечать относительные улучшения или ухудшения. Тонкий и методологически поучительный сравнительный анализ изменений социального положения эксплуатируемых дал Ф. Энгельс. В книге «Положение рабочего класса в Англии» он сравнил характер жизни и работы трудящихся до введения машин и после появления машинной индустрии.

«До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам её не обрабатывал, пряжа продавалась. Эти семьи ткачей жили большей частью в деревне, близ городов, и могли неплохо существовать на свой заработок, так как местный рынок всё ещё был в смысле спроса на ткани решающим и даже почти единственным рынком, а всесилие конкуренции, проложившей себе дорогу впоследствии в связи с завоеванием иностранных рынков и расширением торговли, не оказывало ещё заметного действия на заработную плату. К этому присоединялось ещё постоянное увеличение спроса на местном рынке, которое шло в ногу с медленным ростом

населения и обеспечивало работой всех рабочих; к тому же сильная конкуренция между ними была невозможна вследствие разбросанности их жилищ в сельской местности. Таким образом, ткач большей частью был даже в состоянии кое-что откладывать и арендовать небольшой участок земли, который он обрабатывал в часы досуга, а их у него было сколько угодно, так как он мог ткать когда и сколько ему хотелось. Правда, земледелец он был плохой, его хозяйство велось небрежно и не приносило существенного дохода; но, по крайней мере, он не был пролетарием, он вбил, как выражаются англичане, столб в родную землю, он был оседлым человеком и в обществе стоял на одну ступень выше, чем теперешний английский рабочий.

Так рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почёте, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и всё же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели ещё возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это всё же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи.

Легко себе представить, каков был моральный и интеллектуальный уровень этого класса. Отрезанные от городов, где они никогда не бывали, так как пряжу и ткань они сдавали разъездным агентам, от которых получали заработную плату, — отрезанные до такой степени, что старики, проживавшие в непосредственном соседстве с городом, никогда не бывали там, пока, наконец, машины, отняв у них их заработок, не привели их туда в поисках работы, — они в моральном и интеллектуальном отношении стояли на уровне крестьян, с которыми они большей частью были и непосредственно связаны благодаря своему участку арендованной земли. В своём сквайре — наиболее значительном из местных землевладельцев — они видели своего “естественного повелителя”, искали у него совета, делали его судьей в своих мелких спорах и проявляли к нему

ту почтительность, которая обуславливается такими патриархальными отношениями. Они были людьми “почтенными” и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, поскольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни — кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал своё заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе божием. Патриархальные семейные отношения не нарушались до свадьбы детей. Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы, и хотя половые отношения до брака были почти обычным явлением, но происходило это только тогда, когда обе стороны признавали за собой моральное обязательство к вступлению в брак, и состоявшаяся свадьба снова приводила всё в порядок. Одним словом, тогдашние английские промышленные рабочие жили и мыслили так, как живут ещё и теперь кое-где в Германии, замкнуто и обособленно, без духовной деятельности и без резких колебаний в условиях своей жизни. Они редко умели читать и ещё реже писать, аккуратно посещали церковь, не занимались политикой, не устраивали заговоров, не размышляли, увлекались физическими упражнениями, с благочестием, привитым с детства, слушали чтение библии и в своём непритязательном смирении прекрасно уживались с более привилегированными классами общества. Но зато в духовном отношении они были мертвы, жили только своими мелкими частными интересами, своим ткацким станком и садиком, и не знали ничего о том мощном движении, которым за пределами их деревень было охвачено всё человечество. Они чувствовали себя хорошо в своей тихой растительной жизни и, не будь промышленной революции, они никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда, весьма романтичным и уютным, но всё же недостойным человека. Они и не были людьми, а были лишь рабочими машинами на службе немногих аристократов, которые до того времени вершили историю. Промышленная революция лишь довела дело до конца, полностью превратив рабочих в простые машины и лишив их последнего остатка самостоятельной деятельности, но она тем самым заставила их думать, заставила их добиваться положения, достойного человека. Как во Франции политика, так в Англии промышленность и вообще движение гражданского общества

вовлекли в поток истории последние классы, остававшиеся ещё равнодушными к общим интересам человечества»²⁵.

Итак, идеал социального положения и оптимальный режим рабочего времени находятся не позади. Вне свободного полного развития трудящегося – развития в том числе и общественного – такой идеал и такой оптимум невозможны.

Обратили ли вы внимание на слова Ф. Энгельса **«добиваться положения, достойного человека»**? Это добротная общая установка относительно культивирования коренных классовых интересов эксплуатируемых в социальной политике вообще и применительно к конкретным сферам жизнедеятельности. Хотя бы, скажем, и к сфере трудовой жизнедеятельности, включая продолжительность и режимы рабочего времени.

Откуда взяться представлениям о положении, достойном человека? Брать за точку отсчёта достигнутое (сложившееся) положение и не позволять капиталу дальше ухудшать его — так подходить к пониманию интересов эксплуатируемых, конечно, можно. Но этот подход не выведет на глубокое (стратегическое) обоснование. Ведь поколения и поколения проработали в положении, недостойном человека, а потому сложившееся положение – не более, чем переданное нам по наследству недостойное человека положение. Значит, защищая сложившиеся продолжительность и режимы работы от дальнейших ухудшений, мы должны думать о таком рабочем дне и таких режимах работы, которые отвечали бы коренным классовым интересам и означали бы существенное улучшение по сравнению со сложившимся порядком.

Вопрос о человеческом и гражданском достоинстве как о гуманитарной ценности – основополагающий вопрос собственной идеологии трудящихся и эксплуатируемых, коренной практический вопрос рабочего движения. На наш взгляд, принципиальный ответ на этот вопрос дан ещё Ф.

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 2. С.243-245.

Энгельсом в той же самой его великой книге «Положение рабочего класса в Англии» (1845):

«Как же может такая принудительная работа, которая отнимает у рабочего всё его время, кроме самого необходимого для еды и сна, которая не оставляет ему досуга для того, чтобы подышать свежим воздухом и понаслаждаться природой, не говоря уже о духовной деятельности, - как же может она не низводить человека до состояния животного? И опять, перед рабочим альтернатива: покориться судьбе, стать “хорошим рабочим”, “верно” соблюдать интересы буржуа — и тогда он неизбежно превращается в бессмысленное животное — или же противиться, всеми силами защищать своё человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии» (стр. 352).

«Даже если бы я привёл меньшее количество примеров, каждый должен был бы со мной согласиться, что английские рабочие не могут чувствовать себя счастливыми в том положении, в которое они поставлены, что в таком положении ни отдельный человек, ни целый класс не может жить, чувствовать и мыслить по-человечески. Ясно, что рабочие должны стремиться выйти из положения, превращающего их в животных, и добиваться лучшего, более соответствующего человеческому достоинству положения. Они не могут делать это, не ведя борьбу против интересов буржуазии как таковой, интересов, заключающихся именно в эксплуатации рабочих. Но буржуазия защищает свои интересы всеми средствами, какие только предоставляют ей её собственность и находящаяся в её распоряжении государственная власть. Как только рабочий обнаруживает стремление освободиться от существующего положения вещей, буржуа становится его открытым врагом.

Кроме того рабочий на каждом шагу видит, что буржуазия обращается с ним, как с вещью, как со своей собственностью, и уже по одному этому он становится её врагом. Я уже показал на сотне примеров и мог бы привести их ещё столько же, что при современных

отношения рабочий может спасти своё человеческое достоинство только в ненависти к буржуазии и в возмущении против неё» (стр. 437).

«Если, как мы видели, рабочему не предоставлено никакого иного поприща для проявления своих человеческих чувств, кроме протеста против своего положения, то вполне естественно, что именно в этом протесте рабочий должен обнаружить свои самые привлекательные, самые благородные, самые человеческие черты. Мы увидим, что вся сила, вся деятельность рабочих устремляется именно в этом направлении и что даже все их усилия приобщиться к человеческой культуре находятся с этим в непосредственной связи» (стр. 438)²⁶.

Положение, достойное человека, начинается с сопротивления силе, делающей это положение недостойным, то есть с сопротивления капиталу, системе эксплуатации.

Раб, бывает, клеймён, даже в цепи закован,
Но свободным душа его делает снова.

Коль от рабства страдает душа, как от боли, –
То не быть бесконечной тяжёлой неволе.

Ну, а если душе от неволи не больно,
То рабом человек может стать добровольно

И униженным быть, и любить Господина --
Будь то Сила иль Деньги, иль Власть – все едино.

(Борис Комиссаров)

Положение, достойное человека, **не только начинается** для эксплуатируемого с сопротивления эксплуатации, **оно и базируется** на классовой борьбе за самоосвобождение от эксплуатации. Вне этой борьбы, в отрыве от неё (не говоря уж о предательстве интересов эксплуатируемых, о пособничестве эксплуататорам) у трудящегося нет и не может быть положения, достойного человека.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 2. С.352, 437-438.

Мы пришли к принципиальной постановке проблемы коренных интересов трудящихся по поводу продолжительности и режимов рабочего времени. Эта постановка - **за что бороться по большому (стратегическому) счёту?** Не «о чём мечтать?», не «чего ожидать от капитала?», не «что с нами будет?», а чего хотим добиться, за что будем бороться, когда дело касается продолжительности и режимов рабочего времени. Это вопрос о содержательной стороне интересов и о содержании программных требований.

За что бороться?

Против чего бороться?

По крупному (программному, стратегическому) счёту продолжительность и режимы рабочего времени являются такими общественными и производственными условиями труда, которые не существуют сами по себе, в отдельности от иных параметров социального положения трудящихся. Время, его структура по предназначению на те или иные дела (трудовые, семейно-бытовые, на досуг) – это вообще-то пространство жизни, организованное в соответствии с жизненными целями, реальными возможностями и обстоятельствами.

Социальное положение и образ жизни эксплуатируемых трудящихся сформировались, как правило, в режиме их приспособления к жёстким требованиям производства, организуемого эксплуататорскими классами. В России это происходило для большинства населения в 1930-1950-е годы в условиях ускоренной индустриализации и стремительного переселения в города, в районы нового освоения. Процесс осложнялся принудительностью, массовыми репрессиями, рабским и полукрепостным трудом. Период войны и послевоенного восстановления наложил свой отпечаток. Бараки, трущобы, коммуналки, общежития... Стандартизированные развлечения, казённо организованный досуг, обязательные общественные мероприятия... Тем не менее создалась городская

индустриальная культура труда, семейного быта, отдыха. Вызрели и стали своими, привычными определённые ценности, формы жизни и времяпровождения. Именно то, что стало привычным, сделалось нормальным (воспринимается трудящимися как нормальное). Это фундаментальный факт, от которого нельзя абстрагироваться.

Придёт время, когда трудовой народ России станет в своём большинстве жить на уровне материального достатка (до этого пока что очень далеко), когда этот достаток он сумеет сперва отвоевать в активной классовой борьбе, а потом надёжно удерживать опять-таки посредством активной классовой борьбы. Вот тогда трудовой народ и породит свои собственные представления о социальном положении, достойном человека. Составной частью этих представлений и собственной классовой культуры жизни будет культура использования времени в труде, в быту, на досуге. Пока же эта эпоха не настала, за благо (за нормальное) считается привычное сложившееся социальное положение и соответствующая ему организация (структура) времени.

Социальные риски, которым подвергается нормальная структура времени, нормальная продолжительность и нормальные (привычные) режимы работы, коренятся в интересах капитала, как они изложены выше. Капитал систематически порождает инициативы, затрагивающие как продолжительность рабочего времени и времени отдыха, так и режимы работы. Редко такие инициативы бывают на руку трудящимся, обычно они нарушают привычную (нормальную) структуру времени и привычные режимы работы, требуют приспособления к переменам. Сам собой складывается общий подход к взаимоотношениям труда и капитала: трудящимся приходится бороться против инициатив и новаций администрации в области рабочего времени и времени отдыха, отстаивать сложившиеся (привычные) порядок и режимы работы.

Так складывающаяся ситуация – крайне неблагоприятна для эксплуатируемых, зачастую заведомо проигрышная. Когда конфликт по поводу рабочего времени, времени отдыха и режимов работы протекает в рамках отдельного предприятия, ситуация почти всегда чревата поражением трудящихся. Если конфликт охватывает целую отрасль, большой регион или всю страну, шанс на победу трудящихся возрастает (но в случае победы редко удаётся её удержать).

Субъекты, представляющие интересы трудящихся. Способы регулирования отношений по поводу рабочего времени

Возвратимся к норме закона, которая содержалась в Кодексе законов о труде РСФСР по сентябрь 1992 г.:

«Статья 41. Нормирование продолжительности рабочего времени

Нормирование продолжительности рабочего времени всех рабочих и служащих осуществляется государством с участием профессиональных союзов.

Нормы продолжительности рабочего времени не могут быть изменены по соглашению между администрацией предприятия, учреждения, организации с профсоюзным комитетом предприятия, учреждения, организации или с рабочими и служащими, если иное не предусмотрено законодательством».

Статья 41 была исключена из КЗоТ РФ в ходе «шоковых» реформ – Законом РФ от 25 сентября 1992 г. Изменение это было не в пользу трудящихся, во вред им.

Во-первых, урезались права (проблемное содержательное пространство деятельности) профсоюзов. Прежние профсоюзы, превратившиеся в сугубо корпоративные, конечно, не защищали должным образом социально-трудовые права. Но с конца 1980-х годов стали возникать классовые демократические профсоюзы, и урезание законных оснований их действий на предприятиях и в стране, несомненно, отрицательно

сказалось на формировании новой системы социальной защиты и на формировании гражданского общества вообще.

Во-вторых, нормы продолжительности рабочего времени после исключения статьи 41 оказались незащищёнными от сговора администрации и профкома корпоративного профсоюза, администрации и непосредственно работников. Практика таких сговоров против установленных государством норм сделалась с 1990-х годов весьма распространённой. Прокуратура и суды (имеются документально зафиксированные факты) сквозь пальцы смотрели на эти сговоры.

Логика законодателя всецело диктовалась стремлением всемерно и всесторонне содействовать администрации предприятий в её взаимоотношениях с работниками. Одна линия этого содействия – прямое урезание социально-трудовых прав, другая – перевод защитительных норм из разряда государственных гарантий в разряд договорных норм (по трудовому договору, по коллективному договору, по отраслевому соглашению и т. п.). Важно подчеркнуть, что наращивание массива договорных норм происходило в условиях заведомого неравенства сил работодателей и работников.

В создавшихся условиях работники и их классовые профсоюзы могли бы ставить задачу внесения в коллективные договора и в соглашения благоприятных для себя норм улучшения или защиты режимов работы и порядков регулирования продолжительности рабочего времени и времени отдыха. Однако в ходе либерализации трудового законодательства в 2000-е годы была утрачена существовавшая в 1990-е годы законодательная норма, требовавшая утверждать на собрании (конференции) работников организации как проект коллективного договора, так и – уже перед подписанием – вариант коллективного договора, согласованный в ходе переговоров представителей работников и работодателей. Так что работники оказались лишены непосредственной субъектности в утверждении норм, которые станут для них нормами договорного права.

Очередной задачей для профсоюзного и рабочего движения стало теперь отвоение утраченных прав утверждать условия и нормы коллективного договора. То, что старательно вырезано партиями власти из КЗоТ РФ, из законов, регулирующих социально-трудовые отношения, в 1990-2000-е годы, может стать перечнем требований и при коллективных переговорах, и при забастовках, и в пропаганде единых классовых действий эксплуатируемых трудящихся. В частности, эти требования могут и должны войти в перечень требований, обсуждаемых в ходе агитации за подготовку Всероссийской забастовки с требованиями смены социально-политического курса, проводимого руководством Российской Федерации.

Тенденции формирования социальных стандартов рабочего времени

Так называемые «социальные стандарты» – это нормы, регулирующие социальные процессы. В состав социальных стандартов входят и нормы, регулирующие рабочее время, режимы работы, время отдыха. В действующем Трудовом кодексе РФ социальные стандарты рабочего времени сосредоточены в разделе IV «Рабочее время» и разделе V «Время отдыха».

Системе социальных стандартов рабочего времени присуща изменчивость. Здесь сталкиваются интересы труда и капитала, соотношение классовых сил проявляется в движении правовых норм во всей их системе (от законов до правил внутреннего распорядка). Могут быть выявлены и тенденции (более или менее преобладающая направленность) происходящих и подготавливаемых изменений.

В 1990-2000-е годы явно преобладала тенденция понижения уровня социальной защищённости работника в отношениях с работодателем. Это проявлялось в массовых нарушениях трудового законодательства работодателями, притом нарушения эти были, как правило, безнаказанными. Конкуренция между работниками возрастала и заставляла их соглашаться с

попранием работодателями прав, формально защищаемых законом. Нарушения касались продолжительности рабочего времени, времени отдыха, особенно в части сверхурочных работ, сменности, графиков работы, контроля за суммарно отработанным временем за учётный период. Государство и его органы не выполняли своих обязанностей по налаживанию чёткого правоприменения в сфере труда, а тем самым и по налаживанию правопорядка в сфере труда.

В 1990-2000-е годы имела место и тенденция урезания социально-трудовых прав относительно продолжительности и режимов рабочего времени. В 1990-е годы происходило последовательное исключение из КЗоТ РФ одной за другой правовых норм, благоприятных для работников. С 2002 года стал действовать новый ТК РФ, ещё более урезавший социально-трудовые права. Последующие поправки в ТК РФ продолжали эту тенденцию.

Существенной (и притом осознанной) линией государства было односторонне выгодное предпринимательству сокращение круга норм, защищаемых законами, и расширение круга договорных норм.

Стремление государства самоустраниться от регулирования части социально-трудовых отношений вызвало распространение не только нарушений законодательства и договорных правовых норм работодателями (нередко и по сговору с работниками или профсоюзами корпоративистских профсоюзов), но и теневых методов регулирования труда. Неизбежное следствие этого – процветание недобросовестной конкуренции на рынке труда (для справки: конституционная обязанность государства – не допускать недобросовестную конкуренцию).

Настоящим бичом стало отсутствие культуры самозащиты у российских трудящихся. Нечастые попытки самозащиты, сопротивления произволу работодателя носили, как правило, индивидуальный характер.

Коллективные формы самозащиты в этот период известны практически наперечёт.

Фактическая беззащитность современных российских трудящихся в сфере труда, включая проблемы продолжительности и режимов работы и времени отдыха, трактуется и пропагандируется властями, работодателями, профсоюзами и менеджерами корпоративистских профсоюзов как социальное партнёрство. На деле сложилась ситуация почти безоговорочной капитуляции труда перед объединённым натиском государства и капитала.

Принципы действий трудящихся при новых инициативах капитала (администрации), касающихся рабочего времени и режимов работы

Для трудящихся правомерно исходить из предположения неблагоприятности для них любых новых инициатив как администрации, так и законодателя, касающихся рабочего времени и режимов работы. Назовём этот подход «презумпцией неблагоприятности»²⁷.

Подход этот вполне обоснован научными представлениями об устройстве капиталистического общества и капиталистического хозяйства. Конкуренция заставляет капиталиста изыскивать пути понижения издержек производства; но сколь разнообразными ни были бы успешные результаты таких поисков, конечным источником найденных конкурентных преимуществ окажется усиление эксплуатации трудящихся. Поэтому каждая инициатива администрации в сфере рабочего

²⁷ ***Презумпция*** - предположительное отношение к природе явления или события как к наиболее вероятной; в юриспруденции - признание факта юридически достоверным, пока не доказано обратное. ***Презумпция неблагоприятности*** – предположительное отношение к каким-либо явлениям, событиям, предлагаемым, предстоящим или фактическим переменам как к неблагоприятным для того, кто даёт им предположительную оценку.

времени, режимов работы, режимов отдыха – это всегда первый шаг к усилению эксплуатации. Отсюда и необходимость для работников всегда быть начеку, предполагать закономерное, разгадывать замаскированные ходы администрации. Эти ходы, к слову сказать, не всегда бывают замаскированными, подчас они открыто циничны, ультимативны, наглы. В современных российских условиях – особенно.

Воспринимая в интересах самозащиты любые инициативы администрации как потенциально неблагоприятные, трудящиеся должны одновременно с этим поддерживать и наращивать свою готовность принимать защитительные меры. При этом следует твёрдо помнить положение закона:

«Каждый имеет право защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом» (часть 1 статьи 352 ТК РФ).

Даже если российский парламент, следуя своей традиции, при очередном редактировании исключит это положение из текста ТК РФ, оно останется в полной силе в связи с тем, что является общепризнанным принципом и нормой международного права и в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ является составной частью правовой системы государства.

Об этом приходится напомнить вот почему. В 1990-2000-е годы при отсутствии сильного профсоюзного и рабочего движения в России трудящиеся зачастую не только чувствовали своё бессилие, но и пробовали оправдывать своё непротивление объединённому ретивому наступлению капитала и государства на социально-трудовые права и свободы. Отливалось это в странноватую формулу: дескать, не созданы правовые основы (правовая база) такого сопротивления. Отсутствие законодательных запретов на сопротивление (запретов именно законом, а не распоряжением, указом, приказом, постановлением, угрозой и т. п.) – это и есть необходимая и достаточная правовая база для самого активного, самого эффективного, самого разнообразного по своей выдумке и по своим формам сопротивления (самозащиты).

Исключаются, по сути дела, лишь уголовно и административно наказуемые преступления. Но они-то как раз вовсе не требуются профсоюзному и рабочему движению, ибо это движение располагает намного более мощным оружием – солидарным действием. Каждый вправе защищать свои собственные и свои классовые социально-трудовые права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом; каждый вправе защищать их как индивидуально, так и коллективно, объединяясь с другими. Трудящиеся вправе свободно объединяться для своих интересов и в классовом, и в национальном, и в интернациональном масштабах.

Конечно, иметь писанные права и свободы и уметь ими практически пользоваться – далеко не одно и то же. Культура (накопленное умение) сопротивления у российских трудящихся находится на уровне, близком к зачаточному. В некоторых случаях и в некоторых коллективах такая культура накапливается как практический опыт, но по ряду причин слабо перенимается и распространяется.

Главным принципом действий трудящихся относительно новых инициатив капитала (администрации), касающихся рабочего времени и режимов работы, является **принцип постоянного пристального внимания** к проблемам рабочего времени, режимов работы и времени отдыха.

Режимы рабочего времени на предприятии разнообразны. Практически ситуация складывается так, что все нестандартные (особенные и индивидуализированные) режимы работы и рабочего времени оказываются предметом взаимоотношений конкретного работника и представителя работодателя. Первое, что требуется сделать обязательно, притом сделать не каждому отдельному работнику, а коллективно - **потребовать и добиться юридически полноценного документа**, фиксирующего регламент работы, права и обязанности работника и администрации **применительно к каждому рабочему месту**, к каждому конкретному работнику.

Решение этой задачи облегчит постановку и решение очень многих больших и малых вопросов.

Прежде всего оно поднимет культуру взаимоотношений работников и работодателей на качественно новый уровень. Сейчас не только конкретный работник, но и работодатель, как правило, весьма смутно представляют себе правовой режим повседневных взаимоотношений на производстве. А между тем, например, для каждого работника, режим рабочего времени которого отличается от общих правил, установленных у данного работодателя, этот режим должен быть установлен трудовым договором. Трудовой договор – очень емкий и содержательный документ, как это устанавливается статьёй 57 ТК РФ. Далеко не у всех работников он есть на руках, а должен быть – у каждого.

Работникам вообще кажется, что администрация составляет очень много документов, и в них вроде бы всё подробно описано. Это далеко не так. Весь перечень документов, устанавливающих режимы работы, время труда и отдыха, должен находиться под контролем работника и его профсоюзной организации. Правила внутреннего трудового распорядка должны быть под особым контролем. Раздел в коллективном договоре, касающийся режимов работы, времени труда и времени отдыха, должен стать одним из самых живых, насыщенных, требовательных по отношению к работодателю. Под контроль трудящихся следует взять и учёт рабочего времени.

Пока основные юридические документы, касающиеся продолжительности и режимов труда и отдыха, не освоены трудящимися предметно (то есть на уровне пристального внимания и понимания), трудно организовать успешную защитительную реакцию на инициативы (новации) или ультиматумы администрации.

В коллективный договор уместно внести (а при несогласии администрации их принять – занести в протокол разногласий) ряд процедур, которые должны быть соблюдены в каждом случае инициативы или требования администрации что-либо изменить в

продолжительности и режимах работы. Здесь могут быть предусмотрены:

- время на изучение трудящимися предлагаемого или требуемого изменения;

- обязанность администрации создать необходимые условия для содержательного изучения и обсуждения предстоящих изменений (предоставление помещения, предоставление всей необходимой документации; проведение в случае необходимости за счёт работодателя независимой медицинской и психологической экспертизы предлагаемого изменения; предоставление предложений администрации о вариантах компенсации неблагоприятных последствий новшества и т. п.);

- порядок принятия (или отклонения) трудящимися предложения или требования администрации. Здесь самое главное – восстановить утраченную гарантию, статью 41 КЗоТ РФ. Напомним её: «Нормирование продолжительности рабочего времени всех рабочих и служащих осуществляется государством с участием профессиональных союзов. Нормы продолжительности рабочего времени не могут быть изменены по соглашению между администрацией предприятия, учреждения, организации с профсоюзным комитетом предприятия, учреждения, организации или с рабочими и служащими...». Трудовой коллектив не должен передоверять право принимать или отклонять предложение или требование администрации профкому, он должен делать это сам. Всегда. Трудовой коллектив не должен также оставлять трудящегося наедине с работодателем. Почему? Во-первых, чтобы защитить трудящегося во взаимоотношении с администрацией, когда она давит на него и фактически принуждает принять свои новые условия. А во-вторых, чтобы не допустить недобросовестной конкуренции со стороны части трудящихся, готовых пойти навстречу администрации в ущерб интересам других трудящихся.

В настоящее время очень злободневными стали проблемы конкуренции между постоянными работниками предприятия и заёмными работниками, а также между работниками-российскими гражданами и иностранными

работниками. Эти проблемы, как они отражаются на режимах работы, требуют и заслуживают отдельного рассмотрения.

*Ракитская
Галина Яковлевна*

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУМАНИЗМ КАК НОВАЯ СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ СОБСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТРУДЯЩИХСЯ²⁸

Современная общественная наука, стоящая на позициях трудящихся классов, явно отстает в теоретическом исследовании путей перехода к обществу, свободному от эксплуатации труда и любых других форм господства человека над человеком. Результаты революционных движений и общественных преобразований под знаменем социалистических (коммунистических) идей, прежде всего – утверждение тоталитарного строя в России вскоре после Октябрьской (1917 года) революции заставляют заново осмысливать вопрос о том, каковы движущие социальные силы и сама вероятность перехода человечества в русло гуманистического общественного прогресса, какими могут (должны) быть гарантии от тоталитарного перерождения постреволюционного общества по советскому или иным типам.

Неудачные до сих пор попытки построения социализма и современные тенденции в развитии социально-групповой структуры капиталистического общества делают все более настоятельными трезвые

²⁸ Опубликовано в периодическом издании: *Общественное сознание большинства*. Выпуск 4. – М.: Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет). Декабрь 2007. С. 55-68.:

размышления и глубокие исследования в двух главных аспектах – содержательном и субъектном.

Содержательный аспект – это модернизация, развитие, обогащение самой социалистической идеологии в направлении, обеспечивающем ее последовательно гуманистический характер.

Субъектный аспект – это перспективы формирования социальных групп (классов), способных быть не только субъектом революции под социалистическими лозунгами, но и субъектом последовательно гуманистического исторического творчества.

Обозначу четыре взаимосвязанных гипотезы, которые очерчивают основную проблематику и современные подходы к исследованию содержательных и субъектных предпосылок «прорыва» человечества в русло последовательного гуманизма. Эти гипотезы, будучи развиты до состояния научных теорий, поднимут на новую ступень идеологию и теорию социализма.

От пролетарского – к последовательному революционному гуманизму

В эпоху индустриального капитализма социалистическая идея предстает в форме *пролетарского* гуманизма, как собственная идеология рабочего класса и рабочего движения.

Выдвигаю как гипотезу, что ограниченность (можно сказать, ущербность) пролетарского гуманизма связана с тем, что рабочий класс – это **класс придатков машин**, класс-придаток машинной цивилизации. Индустриальный капитализм предельно сужает возможности выявления, реализации и развития индивидуальных свойств личности рабочего, поскольку производству не нужен работник с гармонично развитыми физическими, интеллектуально-творческими и социально-нравственными потребностями и способностями.

Индустриальный капитализм лишает рабочего индивидуальности, навязывает ему стандартизированные потребности и унифицированные формы

жизнедеятельности как в рабочее, так и в свободное время, превращает – в конечном счете – рабочего (по выражению К.Маркса) в неполного человека. Представляется поэтому, что рабочий класс эпохи индустриального капитализма в принципе не способен ни самостоятельно выработать, ни воспринять и освоить в полной мере (без вульгаризаций, без недопустимых упрощений и извращений) идеологию *последовательного* гуманизма. Идеологию, в которой ключевая роль принадлежит категориям «народная демократия», «социальная свобода» (свободное развитие каждого и всех), «человеческое и гражданское достоинство личности», «права человека и права народов» и пр.

Формы и способы жизнедеятельности, специфика массового сознания, уровень культуры рабочего класса формируются не только эксплуатируемым положением, но и *организационно-технологическим деспотизмом*, порождающим тоталитарный тип сознания. Надо тщательно изучить, случайно или закономерно тоталитарное перерождение общества при исторических попытках построить социализм посредством авангардной роли класса придатков машин. Надо предельно критически отнестись к установке на возможность «внесения» последовательно гуманистической революционной идеологии в современное рабочее движение. Не обречена ли она заведомо на неудачу?

Предметом постоянных дискуссий является вопрос о том, какой социализм истинный, подлинный, правильный, а какой – нет. Каждая из дискутирующих сторон выдвигает свои взгляды и представления на роль правильных, которыми следует руководствоваться, и критикует иные взгляды и представления как неверные, ошибочные. Думается, что надо иначе смотреть на проблему выбора «правильной» теории социализма.

Эпоха перехода капитализма от индустриальной к новой фазе – это и *новый этап в развитии собственной идеологии трудящихся классов*. Необходимо в полной мере осознать, что идеология последовательного революционного гуманизма, которая могла бы – при

прочих необходимых условиях – стать в XXI веке идейно-теоретической основой социалистического движения, формируется на наших глазах и при непосредственном участии или противодействии многих из нас.

Исторические истоки последовательного революционного гуманизма – все прежние достижения гуманистически ориентированной общественной мысли, в том числе, конечно же, общественной мысли, направленной на радикальное переустройство общества в интересах трудящегося большинства. К таким истокам относятся: революционно-гуманистические представления первоначального марксизма и развитая им целостнообществоведческая методология научных исследований; гуманистические составляющие социал-реформистских, анархистских, либерально-демократических концепций; достижения творческих продолжений первоначального марксизма, противопоставившихся левацкому экстремизму идеологов третьей русской революции, сталинизму и другим вариантам казарменного «социализма». И не только они. Но все прежние достижения гуманистической мысли – это *именно истоки, а не составные части* формирующейся современной идеологии и теории социализма и социалистического движения. Целостную идеологию и теорию освобождения трудящихся, адекватную новым реалиям и тенденциям, придется выработать и постоянно развивать, а не искать ее в готовом, законченном виде у кого-то из наших предшественников или наших современников.

Важнейшая роль в становлении последовательного революционного гуманизма принадлежит анализу опыта и итогов антикапиталистических, антиколониальных (национально-освободительных), антитоталитарных (антифашистских) движений эпохи индустриального капитализма. Предстоит в первую очередь научно поставить и исследовать вопрос о соотношении принуждения и свободы в революционно-демократических, особенно в социалистических преобразованиях. В частности, предстоит в связи с этим окончательно

«разобраться» с концепциями, выдвигающими диктатуру пролетариата на роль якобы необходимого механизма утверждения социалистических форм общественной жизни.

Результаты начавшегося критического осмысления исторического опыта неплохо фиксирует такое, например, самоопределение новой идейной позиции, как «антитоталитарные левые». Но термин «последовательный революционный гуманизм» гораздо точнее (адекватно) выражает суть современного этапа в развитии обществоведческой мысли трудящихся и эксплуатируемых.

Итак, **первая гипотеза**. К началу XXI века обозначился новый этап в развитии социалистической идеологии. Он обещает (может) стать этапом перехода ***от пролетарского революционного гуманизма к последовательному революционному гуманизму*** – идейно-теоретической основе освободительных движений тех слоев трудящегося и эксплуатируемого народа, которые становятся (могут стать) в XXI веке движущей социальной силой гуманистически ориентированного общественного развития. Переосмысление, обогащение социалистической идеологии, ее наполнение последовательно гуманистическим содержанием – одна из необходимых предпосылок практической реализации социалистических идей.

Об историческом субъекте последовательного революционного гуманизма

Кто тот **исторический субъект**, идеологией и практическим делом которого станет (может стать) последовательный революционный гуманизм?

Носитель, субъект идеологии – это не только профессиональные идеологи и не только устойчиво активные немассовые политические организации (партии и пр.), но и широкие общественные движения. Известно, что критерием научности идеологии является обоснованное (а не декларативное) указание на **массовую** социальную силу как на исторический субъект, **заинтересованный** в

осуществлении данной идеологии и **способный** ее осуществить. Дело науки - доказательство наличия или тенденций формирования такого исторического субъекта.

Что сегодня можно сказать по этому поводу?

Сегодня мы фиксируем не только процесс уменьшения численности и доли индустриальных рабочих в общественной структуре, но фиксируем также процесс увеличения «лишнего» (лишнего для капитала) населения – оттеснение все большей части людей от участия в созидательной общественной практике, реальном историческом творчестве. Оттеснение в двух формах. В форме развития потребительства, стандартизирующего личность, зомбирования людей, использования разнообразных способов имитации интеллектуально-творческой и социально-политической активности. И в форме возникновения широкого слоя населения с вынужденно-нетрудовым типом жизнедеятельности. Это не временно безработные (резервная армия труда), а в лучшем случае – временно занятые, труд в жизни которых носит эпизодический характер.

«Лишняя» часть населения образует ущербную, социально нездоровую часть общества – **социальную резервацию** (в том числе социальное дно). При этом обозначилась новая тенденция в развитии капиталистической системы эксплуатации: утрачивается прежнее, преимущественно географическое распределение резервной и излишней части населения планеты (резервная – в метрополиях, лишняя – в колониях); *вынужденно-нетрудовой*, а затем и *принудительно-нетрудовой* тип жизнедеятельности становится наиболее вероятным обликом будущего для большинства населения и в бывших колониях, и в бывших метрополиях.

Капиталу – в целях относительно мирного сохранения господствующего положения руководящей «элиты» – приходится «лишнее» население содержать, подкармливать, развлекать, удовлетворять потребности оттесненных в социальную резервацию на беспротестно приемлемом уровне, дабы они не взбунтовались.

Социальная резервация – не ресурс демократии, гуманизма, социализма. Устойчивая и все более масштабная социальная резервация противодействует гуманизации производства и общества. **Социальная резервация – ресурс консерватизма и реакции вплоть до ресурса фашизма.** Людей, оттесненных в резервацию, отлученных от исторического творчества, можно жалеть, *но на них нельзя рассчитывать* в борьбе за демократию, тем более в борьбе за коренное, революционное переустройство общества на последовательно гуманистических началах.

Сегрегация трудящегося населения на нужное мировому капиталистическому рынку и ненужное ему создает почву для закрепления и распространения в массовом масштабе приспособленческого типа общественного сознания и социального поведения, порождает и укрепляет чувство социальной неполноценности вместо чувства человеческого и гражданского достоинства. Набирает темп маргинализация массового сознания. В России (и не только в России) – маргинализация массового сознания (особенно в молодежной среде) по имперско-фашистскому типу.

Революционно-гуманистические потенциалы современных социальных движений весьма проблематичны именно потому, что их основная социальная база – оттесненные и оттесняемые в социальную резервацию. Именно поэтому некоторым ветвям социальных движений свойственен бесперспективный для трудящихся экстремизм, протестная активность люмпен-террористического толка.

Правомерен вопрос: заинтересованы ли занятые еще в производстве эксплуатируемые трудящиеся в реализации последовательно гуманистических ценностей или же их главным интересом является (становится) сохранение своего привилегированного положения – привилегированного по сравнению с теми, кто вытеснен из производства, оказался в реальности вынужденно-нетрудовой жизнедеятельности?

Исследователи современных изменений в содержании труда указывают на такие процессы, как применение технологий, требующих от работника большей самостоятельности, инициативы; возрастание подлинно творческих элементов в содержании труда; расширение форм участия рядовых работников в управлении; сближение (даже интеграция) интересов рядовых работников и организаторов производства (управляющих). Нередко мы встречаем в литературе восторги по поводу этих процессов, в том числе гимны творческому труду вплоть до отождествления творческого труда с гуманистически ориентированным трудом.

Означает ли в действительности обогащение содержания труда, что общество движется по гуманистическому руслу? Нет, не означает. Почему? По двум причинам.

Первая причина. Обогащение содержания труда – это еще не гуманизм, если процесс обогащения труда происходит *в отрыве от гуманистических нравственных ориентиров трудовой жизнедеятельности*. Передовые технологии *сами по себе* не прокладывают путь к гуманизации общества. Так, например, в период III мировой (холодной) войны мы не знаем ни одного случая, по крайней мере, в странах, которые лидировали в гонке вооружений, чтобы рабочие военно-промышленного (передового по технологиям) комплекса выступали критически по отношению к тому, чем они заняты, чем зарабатывают на жизнь. Другой пример: не внесла вклад в гуманизацию общества карательная психиатрия – весьма творческий вид труда.

Вторая причина. Обогащение содержания труда – это еще не гуманизм, если труд, точнее, причастность к историческому творчеству, к созидательной деятельности становится *привилегией меньшинства*. Нынешний этап глобализации капитализма ведет к разделению населения планеты на *социальную резервацию* (большинство населения) и *касту созидателей* (меньшинство населения). Вполне вероятно, что тем трудящимся, которым удастся не потерять работу, будет мало дела до

бывших братьев по классу, навсегда лишившихся работы и перспектив достойного существования. Если это так, то они не могут быть носителем идеологии революционного последовательного гуманизма.

Все тенденции в сфере трудовой жизнедеятельности, которые сейчас оцениваются как прогрессивные, предстают в ином свете, если не закрывать глаза на формирование социальной резервации. Оттесненным от производства по большому счету все равно, как организованы трудовые отношения в рамках касты созидателей. А они могут быть организованы даже и без *эксплуатации труда, понимаемой узко экономически* – как присвоение результатов чужого или результатов неоплаченного наемного труда. Такая эксплуатация может в перспективе и не понадобиться для организации жизнедеятельности касты созидателей.

Так кто же исторический субъект социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении?

Итак, **вторая гипотеза**. Новая фаза развития капитализма (так называемая постиндустриальная, или информационная) **формирует, не может не сформировать новый социальный тип трудящихся**. Черты этого нового типа только еще вырисовываются.

Требуются специальные исследования для ответа на вопрос о том, *может ли стать и при каких условиях может стать класс трудящихся нового типа носителем (субъектом) последовательного революционного гуманизма*. Необходимо и возможно, чтобы на выводах таких научных исследований основывались *разработка и реализация новой, конструктивно-наступательной стратегии профсоюзного и политических движений трудящихся*.

Новая стратегия – это борьба за перелом тенденции люмпенизации и оттеснения большинства в социальную резервацию.

Новая стратегия – это также борьба за такой организационно-технологический облик производства и характер научно-технического прогресса, которые обеспечивают расширение и возвышение содержания

труда, превращение работника из человека «неполного» в человека гармонично развитого – в человека, в системе основных интересов и ценностей которого присутствуют интересы и ценности последовательно гуманистического характера.

Вероятность гуманного будущего

Был ли у человечества реальный шанс прорваться в русло подлинно гуманистического развития в эпоху становления и утверждения индустриального капитализма? Попытки были, но не было шансов довести дело до конца.

Есть ли такой шанс, такая реальная возможность сейчас, при современном состоянии социальной структуры и общественного сознания? Пока нет. Пока не видно массовой социальной силы, способной быть субъектом-носителем идеологии последовательного революционного гуманизма.

Возникнет ли реальная возможность в будущем? Может возникнуть. Однако вероятность не очень высока, поскольку уже наметилась и реализуется **магистральная историческая тенденция развития капиталистической системы эксплуатации – глобализация тоталитаризма**. Глобализация именно тоталитаризма – социальной формы, в которой будет происходить (при прочих равных условиях) дальнейшая глобализация экономики.

Мы наблюдаем сегодня кризис, подрыв национальных и международных буржуазно-демократических институтов – явление не случайное, не временное, если формирование единого всемирного хозяйства будет и дальше направляться и контролироваться крупным международным капиталом. Напротив, тоталитарное перерождение буржуазно-демократических институтов закономерно для условий устойчивого оттеснения большинства человечества в социальную резервацию. Господствующей (властвующей) касте созидателей надо держать социальную резервацию под жестким контролем. Касте созидателей придется (и уже приходится) время от времени прибегать к прямому насилию, чтобы держать

социальную резервацию в узде, подавлять ростки сопротивления. Придется (и уже приходится) поливать оттесненных в резервацию бомбами, если их число или формы активности начнут выходить за пределы, установленные господствующей кастой созидателей.

Глобализация тоталитаризма существенно сужает (если не сводит на нет) возможность самоорганизации и солидарного сопротивления подчиненных социальных групп. Исторический опыт свидетельствует, что *внутри тоталитарного общества* не возникают достаточно мощные социальные силы, способные к массовому революционному действию. Требуется вмешательство внешних (по отношению к тоталитарному обществу) факторов и сил для победы над тоталитаризмом. Откуда взяться этим факторам и силам, если тоталитаризм утвердится во всемирном масштабе, станет общественной формой организации жизнедеятельности всего человечества?

Итак, суть **третьей гипотезы**. У человечества не было реальных шансов прорваться в русло последовательно гуманистического (социалистического) развития в эпоху индустриального капитализма. Нет реальных шансов и сейчас. В то же время ***вероятность такого прорыва возникнет, если формирование необходимых субъектных предпосылок перемены вектора общественного развития опередит глобализацию тоталитаризма.***

Собственное общественное пространство жизни трудящихся классов – предпосылка поворота к социализму

Четвертая гипотеза: необходимая (хотя, конечно, не единственная) предпосылка поворота в русло последовательного гуманизма – ***формирование в рамках буржуазно-демократического общества собственного общественного пространства жизни эксплуатируемых трудящихся.***

Собственное общественное (народно-демократическое по характеру) пространство жизни трудящихся

классов – это *социокультурная* предпосылка перемены направленности общественного развития и реализации социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении.

Народно-демократическое пространство жизни необходимо для накопления трудящимися такого опыта, который мог бы стать, *во-первых*, гарантией от использования способов революционного действия, не соответствующих гуманистическим целям, уводящим в сторону от них, *во-вторых*, гарантией от казарменного (тоталитарного) перерождения общественного строя, если политическая революция передаст трудящимся классам власть в обществе и в хозяйстве.

Конкретные формы народно-демократической жизнедеятельности накапливаются, а результаты их научно-теоретического осмысления становятся составной частью идеологии последовательного революционного гуманизма. Ясным стало, по меньшей мере, что собственное демократическое пространство жизни трудящихся должно быть организовано на иных началах, чем те, которые соответствуют буржуазной (пусть и демократической) социокультуре.

Собственным общественным пространством жизнедеятельности трудящихся должны быть организации и движения, в том числе профсоюзные и партийно-политические. Здесь не годятся ни принципы буржуазного парламентаризма, ни, тем более, принципы казарменного централизма (на которых строилась КПСС и строятся современные осколки-продолжатели дела КПСС). Предстоит заново освоить и развить формы народно-демократической самоорганизации, которые не раз рождались в периоды подъемов рабочего движения, но никогда еще не закреплялись надолго.

Собственное общественное пространство жизнедеятельности трудящихся – это и демократическое самоуправление на предприятиях с собственностью работников, хотя в условиях капитализма такое пространство непросто защитить.

Для накопления навыков управления предприятиями, которые понадобятся трудящимся классам в случае их прихода к власти, пригодятся идеи и практический опыт анархо-синдикализма, опыт участия трудящихся в управлении капиталистическими предприятиями в демократических социальных государствах и пр.

Составная часть демократического пространства жизнедеятельности трудящихся – система собственного (классового) гуманитарного образования. Чтобы победить эксплуататорский класс, надо превзойти его культурно, включая и превосходство в образовании. А это невозможно без высшего гуманитарного классового образования трудящихся и эксплуатируемых.

Идеологическая беспомощность, обществоведческая неграмотность подавляющего большинства активных участников современного (во всяком случае, в России) рабочего и профсоюзного движений, в том числе выборных активистов (лидеров), удручают. Приходится с сожалением констатировать, что сегодня велика тяга трудящихся к тоталитарным идеологиям, в том числе религиозным.

Создать систему качественного классового образования трудящихся невозможно без гуманитарно образованной интеллигенции народно-демократической (социалистической) ориентации – такой интеллигенции, которая сама участвует в формировании идеологии последовательного революционного гуманизма. При этом старая (верная в принципе) постановка о необходимости «внесения сознания» в рабочее движение требует переосмысления как с содержательной стороны, так и со стороны способов политико-идеологического образования трудящихся.

Демократическое пространство жизни трудящихся – это не «островки» будущих конкретных форм жизнедеятельности в настоящем. Это пространство формирования гуманистической «души» трудящихся классов: классового солидарного сознания, классового благородства, гражданского и человеческого достоинства, милосердия, братства и сотрудничества, трудолюбия.

Часть этих ценностей в свое время приватизировала религия как якобы религиозную духовность. Но религиозные идеологии не могут вывести к последовательному гуманизму. Любая религия считает существующую власть властью от бога, а потому отрицает правомерность революционного преобразования общества. Любая религия – идеология тоталитарная, а потому в принципе антигуманна, аморальна. Гуманистическая «душа» трудящихся классов – это накопленная ими культура, накопленная цивилизованность, а не накопленная религиозная духовность.

«Культурным является класс, выработавший, усвоивший, осознавший и культивирующий собственную идеологию и собственную систему гуманитарных ценностей. Культурный класс развивает и обустроивает в обществе свое культурное пространство – *общественное пространство жизни класса*. Именно в этом культурном пространстве накапливается, передается новым поколениям, вызревает и крепнет культура классовой борьбы, необходимая и достаточная для ощутимых тактических побед и для грядущей стратегической революционной классовой победы. Развитие общественного пространства жизни класса (культурного классового пространства) – одно из слабых мест в рабочем движении и других освободительных движениях»²⁹.

Работать на задачу формирования современной собственной идеологии трудящихся классов, развивать (усилиями всех участников движений трудящихся и эксплуатируемых) социалистические идеи до уровня последовательного революционного гуманизма, обустроивать собственное демократическое пространство жизни трудящихся классов – дело благородное и сегодня

²⁹ ДЕКЛАРАЦИЯ о создании Интернационального Университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего Университета) от 19 декабря 2001 года. / Университетский ВЕСТНИК {ИУТЭ (РУ)}. Вып.1. С.7-8. – М.: Школа трудовой демократии. 2004.

чрезвычайно важное. Почему чрезвычайно? Потому что альтернатива переходу в русло последовательно гуманистического развития, альтернатива будущему, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», -- глобальный тоталитаризм, чреватый не только деградацией оттесненных в социальную резервацию, но и деградацией человеческого общества как такового.

Январь 2007 г.

*Ракитская
Галина Яковлевна*

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА – ОШИБОЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Необходимость и жанр научной экспертизы идеологических доктрин

Собственная классовая идеология – это классовое (социально-групповое) мировоззрение, конкретизированное до системы теоретических знаний и вытекающих из них представлений о практических действиях. Собственная идеология адекватно, реалистично и с необходимой полнотой выражает интересы определенного класса (социальной группы). Собственные классовые идеологии – влиятельный фактор общественного развития, особенно в ситуациях общественных кризисов, обострения классовой борьбы, революционного противоборства социальных сил.

Понимание идеологии как идейного и теоретического выражения социально-групповых интересов вовсе не означает, что каждая реальная классовая идеология в любой момент своего существования выражает (способна выразить) интересы класса адекватно во всех отношениях. На деле факторы, формирующие выводы ученых, положения партийно-политических программ и требования массовых движений, многообразны. Классовые идеологии включают поэтому в свой состав как представления, отражающие объективное положение и устойчивые интересы класса, так и представления неустойчивые, ситуативные, а также случайные, субъективные, вплоть до заблуждений и иллюзий.

Революционные и реформистские движения эксплуатируемых трудящихся накопили большой идеологический багаж. Но в исторически сложившийся состав идеологических доктрин (внутреннюю структуру идеологий) закономерно входят неравноценные идеи – все еще **действующие** истины, **бывшие** истины и идеи, которые являются **заблуждениями с самого начала**.

Без инвентаризации накопленного багажа, без отказа от устаревших положений (конкретно-исторических истин) и от концепций, бывших с самого начала заблуждениями, – без этого невозможно воспроизведение и творческое развитие собственной классовой идеологии трудящихся в виде, соответствующем практическим целям движений, невозможно порождение и устойчивое освоение новой системы плодотворных представлений. Непременная, необходимая форма выполнения этих задач, форма конструктивной критики феноменов и продуктов общественного сознания – научная экспертиза идеологических доктрин, теоретических построений, устоявшихся политических формул.

Позиция, с которой актуально проведение научной экспертизы учения о диктатуре пролетариата

Экспертизу концепции диктатуры пролетариата можно проводить (и она фактически ведется) с разных классовых

позиций. Для трудящихся актуальна экспертиза с позиций, осмысливающих причины утверждения тоталитарного строя в России вскоре после Октябрьской (1917 года) революции, с позиций теоретического поиска путей перехода в русло социалистического развития и гарантий от тоталитарного перерождения постреволюционного общества.

Такая позиция представлена сегодня в общественном сознании более или менее развитыми фрагментами **последовательного революционного гуманизма** – формирующейся современной идеологии и теории социализма и социалистического движения как нового этапа в развитии собственной идеологии трудящегося и эксплуатируемого народа³⁰. Для целей экспертизы концепции диктатуры пролетариата наиболее важны следующие концептуальные положения последовательного революционного гуманизма:

а) положение о целенаправленности социалистического движения на утверждение *последовательной (реально народной) демократии*;

б) признание *ключевой, конституирующей (и критериальной) роли категории «свобода»* в представлениях и суждениях об общественно-экономическом прогрессе; установка на переход к обществу, свободному не только от экономической эксплуатации, но и свободному от любых способов и форм угнетения, произвола и насилия над личностью;

в) представление о *свободном историческом творчестве организованных масс трудящихся* как социальном механизме создания новых жизнеспособных форм общественной жизни, отвечающих целям социалистического движения;

г) представление о *праве всего трудящегося народа быть активным и свободным в выборе способов и форм своей жизнедеятельности*. Народно-демократическая революция открывает *возможность* социалистического

³⁰ См. выше статью «*Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся*».

пути, а социальный механизм создания новых жизнеспособных форм общественной жизни, отвечающих целям социалистического движения, – историческое творчество организованных масс трудящихся. Свободный выбор, свободное историческое творчество – антипод концепциям самозванных авангардов, любых руководящих и направляющих сил, которые якобы лучше народа знают, в чем состоит его счастье, и силой загоняют народ на путь строительства «счастливого будущего».

Перечисленные выше положения, без преувеличения, выстраданы социалистическим движением и противостоят концепции диктатуры пролетариата во всех ее аспектах. В первую очередь противостоит этой концепции вывод о том, что для перехода в русло социалистического развития после революционного политического переворота необходима организация системы власти на принципах народной демократии.

Сегодня есть полный ответ на вопрос о принципах организации народно-демократической власти. Эти принципы выявила история и российского, и зарубежного рабочего движения. Для обозначения народной демократии используются также термины «перевернутая пирамида власти», «коллективное демократическое самоуправление», «советская власть», «советская демократия». (Не следует, конечно, забывать, что рассматривать советы в России как конкретно-историческую форму народно-демократической власти можно лишь в том случае, если речь идет об опыте советов начала XX века, то есть до превращения структур, называвшихся в СССР советами, в органы, маскирующие диктатуру правящей партии)³¹.

Вопрос о диктатуре пролетариата – это в первую очередь вопрос о том, является ли гуманистичным идейно-теоретическое наследство, оставленное

³¹ *Обобщенное описание принципов и механизма народно-демократической власти см., например: Ракитская Г.Я. Советы. / Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа. Выпуск 6. – М.: Школа трудовой демократии. 2005. С. 21-27.*

марксистско-ленинским этапом развития коммунистической (социалистической) идеологии и науки. Это, во-вторых, вопрос о *реалистичности* марксистско-ленинских представлений о социальном механизме возникновения социалистического (коммунистического) общества.

Идея диктатуры пролетариата, сформулированная К. Марксом и развитая В.И. Лениным, оказалась весьма живучей. До сих пор распространено убеждение, что причина трагедии России после Октябрьской (1917 года) революции, причина утверждения в СССР тоталитарного общественного строя – отход на практике от концепции диктатуры пролетариата. Причина усматривается в том, что в стране утвердилась не диктатура пролетариата, а диктатура партии, или - в другой редакции - диктатура партийно-государственного аппарата (номенклатуры). Вот, говорят, если бы была диктатура пролетариата (!), тогда бы мы имели совсем другую историю, тогда (при прочих равных условиях) построили бы нормальный социализм.

Окончательно, так сказать, «разобраться» с концепцией диктатуры пролетариата – одна из наиболее настоятельных задач в деле формирования идейно-теоретических основ современных освободительных движений трудящихся.

Опыт истории требует переосмысления концепции диктатуры пролетариата – либо ее подтверждения, либо модернизации ее отдельных положений или же пересмотра всех положений, полного отказа от этой концепции. К основным положениям учения о диктатуре пролетариата относятся как минимум:

а) положение о **пролетариате** как о решающем (практически единственном) субъекте послереволюционной государственной (политической) власти;

б) положение о **диктатуре** как социально-политическом механизме, необходимом для утверждения социалистических форм общественной жизни;

в) положение о необходимости государственно организованного (то есть политического) господства

пролетариата **вплоть до перехода от социализма к коммунизму.**

Позволю себе сначала дать выводы, к которому приводит экспертиза теоретической концепции диктатуры пролетариата с позиций последовательного революционного гуманизма, и лишь потом – лаконичный разбор самой концепции, минимально необходимые обоснования выводов экспертизы.

Выводы научной экспертизы учения о диктатуре пролетариата

Первый вывод. Концепция диктатуры пролетариата вполне логично ведет (и реально привела в России после Октябрьской революции 1917 г.) к политической диктатуре партии, выступающей от имени пролетариата, а затем и к утверждению тоталитаризма.

Эту мысль можно изложить и несколько иначе: predeterminedность недемократического характера послереволюционной власти, а затем и тоталитарного характера общественного строя в СССР была заложена в концепции диктатуры пролетариата – в концепции **диктатуры одной из прежде угнетенных социальных групп.** Социалистическая революция была обречена, даже если бы не было объективных сложностей перехода в русло развития по социалистическому пути и конкретно-исторических обстоятельств, существенно сузивших возможности такого развития.

Второй вывод. Концепция диктатуры пролетариата – и в марксовой, и в ленинской интерпретациях - в принципе непригодна в качестве идейно-теоретической основы перехода общества в русло социалистического развития. Она **недопустимо упрощает** представления об историческом процессе, о роли рабочего класса в освободительных движениях, об историческом субъекте последовательно гуманистических движений, о путях возникновения и закрепления социалистических форм общественной жизни.

Третий вывод. Необходим отказ от концепции

диктатуры пролетариата – отказ в пользу концепции **народной демократии, народно-демократического государства**, если, конечно, не отрицается сама мысль о демократии как о форме развитой, высококультурной, цивилизованной государственности.

Четвертый вывод. Концепцию диктатуры пролетариата **не спасает такая ее модернизация**, как милостивое включение в состав пролетариата так называемых «пролетариев умственного труда». Спектр эксплуатируемых трудящихся гораздо шире, нежели наемные эксплуатируемые, и включает в себя множество групп и слоев населения, для которых основным источником средств существования и развития является собственный труд, эксплуатируемый господствующими классами (например, крестьяне-единоличники, ремесленники, коробейники и др.). Все эти группы населения, по логике концепции диктатуры пролетариата, не становятся субъектами диктатурно-пролетарской власти, а остаются объектами власти, то есть эксплуатируемыми.

Цели социалистической революции могут быть достигнуты, если на смену буржуазному государству придет не диктатура пролетариата, а народно-демократическая власть.

Диктатура пролетариата как его организация в господствующий класс

У К.Маркса диктатура пролетариата – государство в период перехода к бесклассовому обществу, категория из области **логики** общественного развития, логики **вроде бы диалектической**. Логика, по Марксу, такова: государство, в котором доминирует, господствует буржуазия, должно смениться государством, в котором доминирует, господствует пролетариат, а **«классовая диктатура пролетариата» – «необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще»**³².

³² См.: Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 91.

Было господство (диктатура) буржуазии, будет господство (диктатура) пролетариата, а диктатура пролетариата в процессе саморазвития приведет к отмиранию классов и самой государственности.

Разъяснение К.Марксом своего понимания места диктатуры пролетариата в логике общественного развития – в его письме Иосифу Вейдемейеру (5 марта 1852 года):

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»³³.

Выстраивание логики общественного развития как цепочки «диктатура буржуазии – диктатура пролетариата – бесклассовое общество» следует, однако, признать весьма схематичным, даже метафизичным, маскирующимся под диалектическое.

В чем состоит цель и суть социалистической революции (пусть в ней и играет роль основной движущей силы рабочий класс)? Конечно же, не в замене старого господствующего класса на **новый господствующий** класс. Цель и суть социалистической революции, по самой своей идее, – это радикальнейшая, качественная перемена в истории, в общественном устройстве, в организации власти. Социалистическая революция должна стать началом поворота в принципиально новое – последовательно гуманистическое русло развития. Такой поворот – дело весьма непростое, поскольку подлежат коренному изменению и характер власти, и механизмы власти. Ко времени Октябрьской (1917 года) революции основные специфические черты принципиально новой организации власти уже вырисовывались: не монополия рабочего класса на власть, а народно-демократическая власть в форме системы советов, в которых должны быть представлены своими делегатами все слои трудящегося

³³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.28. С. 427.

населения. Понятие «диктатура пролетариата» применительно к такому новому типу государства абсолютно непригодно.

Понятие «диктатура пролетариата», как и понятие «диктатура буржуазии» следует вообще-то признать в равной мере бессмысленными в научном отношении. Почему бессмысленными? Потому что, строго говоря, они предполагают возможность такого явления, как диктатура **класса**. Маркс, говоря о диктатуре пролетариата как о диктатуре класса, фактически отождествил господство (доминирование) класса в обществе и диктатуру как форму правления. Но это совершенно не одно и то же.

Диктатура есть узурпация властными структурами политической субъектности всех социальных групп и социальных общностей, в том числе и капиталистического класса, и рабочего класса. Поэтому словом «диктатура» обычно обозначают полицейско-деспотические государства, командно-карательные политические режимы, исключая демократические формы организации во всех сегментах общественной жизни. Диктатура – это формула политической практики группы, партии или касты, правящей *от имени* класса. Диктатура правящей группы, правящей касты, правящей партии, партии власти – вот это имеет содержательный смысл. Это не тощие абстракции, а исторические реальности.

Кстати, в «Манифесте коммунистической партии», программном документе первоначального марксизма (1848 год), не было термина «диктатура пролетариата». Этот термин появился у К.Маркса двумя годами позже. А в «Манифесте» – другая формула; формула, к сожалению, весьма неопределенная: «Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии»³⁴. Маркс пошел от этой неопределенности к концепции диктатуры пролетариата, а не к концепции народной демократии.

Основоположники марксизма редко употребляли термин «диктатура пролетариата». В. И. Ленин, напротив, специально и подробно рассматривал в своих работах

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 446.

вопрос о диктатуре пролетариата, придавая ему первостепенное значение; им написаны целые книги, брошюры и разделы брошюр о диктатуре пролетариата. При этом Ленин использует термин «диктатура пролетариата» в существенно разных смыслах. Один из смыслов – тот же, что и у Маркса.

Анализируя тексты К.Маркса и Ф.Энгельса при подготовке книги «Государство и революция» (1917 год), Ленин осмысливает категорию «диктатура пролетариата», в частности, следующим образом: «Кажись, термина "диктатура пролетариата" еще нет» (речь идет о «Манифесте...» – ГР). «*Государство, т.е. организованный в господствующий класс пролетариат – это и есть диктатура пролетариата*»³⁵.

Эта интерпретация вполне согласуется с представлением основоположников марксизма о главной общественной функции государства как института политической власти в классовом обществе: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого»³⁶. Исходя из такого представления, Маркс и Энгельс приходят к выводу, что организованное господство пролетариата как класса (пролетарское государство) должно существовать после революции до тех пор, пока не уничтожены условия существования классовой противоположности, пока существуют классы. Пролетариат в качестве господствующего класса «силой упраздняет старые производственные отношения, ... вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса»³⁷.

Положение об исторически длительном процессе

³⁵ Ленин В.И. *Подготовительные материалы к книге «Государство и революция»*/ Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 33. С. 199.

³⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

³⁷ Там же.

исчезновения общественных основ существования классовых различий было конкретизировано Лениным. Например: «... Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми умственного и физического труда. Это – дело очень долгое»³⁸. Следовательно, и у Ленина логика общественного развития требует превращения пролетариата в господствующий класс вплоть до полного уничтожения классовых и иных социально-экономических неравенств.

Можно, конечно, утверждать, что при таком понимании и в таком контексте диктатура пролетариата – это и есть пролетарская демократия, и противостоит она диктатуре буржуазии, то есть государству, в котором доминирует, господствует буржуазия в форме буржуазной демократии.

Однако применение такого, казалось бы, чисто терминологического приема для отображения диалектики исторического процесса на самом деле далеко не безобидно в практически-политическом плане.

Из такой «диалектики» вытекает, что пролетариат должен господствовать (осуществлять диктатуру) и тогда, когда закончился переходный период к социализму, когда в социальной структуре общества уже нет эксплуататорских групп, а есть только различные слои трудящихся. Господствовать для чего? Чтобы навязать всем трудящимся лишь тот вариант развития, который представляется целесообразным пролетариату? Чтобы исключить историческое творчество народа?

Концепция диктатуры пролетариата чревата в практически-политическом плане (и это показала история) отходом от следования новой власти гуманистическим (в

³⁸ Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу "коммунистических субботников") / Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 15.

том числе демократическим) принципам. В частности, насильственный характер коллективизации в СССР (со всеми репрессиями в ходе коллективизации) безусловно связан идейно-теоретически с концепцией диктатуры пролетариата. Связан потому, что эта концепция, по сути, допускает применение узурпатором власти методов диктатуры, в том числе прямого насилия, и по отношению к прежде господствовавшим классам, и по отношению ко всем другим «непролетарским» слоям населения. А на деле жертвой узурпатора становится и сам якобы господствующий рабочий класс.

Характер социально-структурных реформ в переходный период к новому общественному строю

Характер действий государства после социалистического политического переворота должен определяться гуманистическим характером целей социалистического движения. В противном случае (если действовать по принципу «цель оправдывает средства, а не по принципу «цель **определяет** средства») результаты общественных преобразований будут существенно отличны от целей, а то и прямо противоположны им.

Согласно основоположникам марксизма, мероприятия, с которых начинается преобразовательную деятельность победившая пролетарская революция, «чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал», будут различными в разных странах. В то же время основоположники сочли возможным дать перечень мер, которые «в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены». Среди этих мер: экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов; высокий прогрессивный налог; отмена права наследования; централизация кредита и централизация всего транспорта в руках государства; увеличение числа государственных фабрик; одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия; общественное и бесплатное воспитание всех

детей и др.³⁹.

Не все меры из этого перечня отвечают, по сегодняшним представлениям, гуманистическим критериям. Не отвечают им, конечно же, такие меры, как учреждение промышленных армий, обязательность (принудительность) труда, общественное воспитание детей (если оно противопоставляется семейному воспитанию, исключает семейное), изъятие всей земельной (а не только абсолютной) ренты у производителей, отмена права наследования.

Обратим, однако, внимание на **главную задачу** этих мер, а не на их конкретно-историческое содержание и формы. Их главное назначение – быть «средством для переворота во всем способе производства»⁴⁰, то есть они должны радикально изменить организационные основы общественного строя – отменить старые основы и одновременно заложить основы новой общественной организации.

Говоря сегодняшним языком, исходный пункт революционных институциональных преобразований – радикальные социально-структурные реформы, направленные на перемену типа властно-хозяйственных отношений, то есть типа собственности. В «Манифесте...»: коммунисты «выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения»⁴¹.

Радикальные социально-структурные реформы не могут, конечно, быть проведены на базе правовых (конституционных в том числе) норм старого общества. Это невозможно потому, что реформы направлены **против** интересов как раз тех социальных групп, которые господствовали в старом обществе и господство которых оформлялось (если оформлялось) старыми законами. Реформы должны осуществляться на новой правовой базе.

Исходные социально-структурные реформы могут

³⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446.

⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446.

⁴¹ Там же. С. 459.

проводиться на базе законов, принятых новыми представительными органами, как было поначалу в России после Октябрьской революции. Они могут проводиться на основе единоличных или же коллегиальных решений (указов, декретов) лиц, наделенных новыми представительными органами особыми полномочиями (узурпация власти диктатором, хунтой, партией и т. п. не относится к этой ситуации).

Такие отличия в правовой основе революционно-демократических реформ, конечно, важны. Но суть не в них, когда речь идет о **принудительном** или **непринудительном** характере начальных реформ в период перехода к новому общественному строю.

Суть в том, что направленность против интересов старых господствующих классов, на радикальное изменение их положения в обществе неизбежно делает исходные социально-структурные реформы **принудительными по отношению к прежде господствовавшим классам (кастам)**. (В «Манифесте ...»: *деспотическое* вмешательство; пролетариат *силой* упраздняет старые производственные отношения). Принятие соответствующих законов не отменяет принудительного – в указанном отношении – характера реформ.

Принудительный (по отношению к прежде господствовавшим классам) характер исходных социально-структурных реформ ни в коей мере не является особенностью победившей социалистической революции. Такой же характер носят эти реформы, когда они осуществляются буржуазной революцией.

С принудительного вмешательства в право собственности (в том числе с радикальной земельной реформы) начались революционные преобразования в России в 1917 году. Они были направлены на ликвидацию основ капиталистической и помещичьей эксплуатации. С деспотического вмешательства в отношения собственности (в форме принудительной приватизации) начались революционные преобразования в России в 1990-е годы. Это была акция буржуазной революции,

направленная на ликвидацию основ старого казарменно-кастового строя.

Важно подчеркнуть, что революционно-демократические реформы, противоречащие интересам прежних господствующих классов, должны одновременно осуществляться **в интересах и действиями** тех социальных групп, которые были в старом обществе в подчиненном положении. После социалистического по целям политического переворота революционные преобразования должны быть собственным социальным творчеством трудящегося большинства, а не принуждением трудящегося большинства к новым формам жизни по воле и разумению лишь одного из прежде подчиненных классов – городского пролетариата. В этом суть противопоставления пролетарского государства (тем более, диктатуры пролетариата) народно-демократическому государству.

Другой важный аспект – необходимость осуществления исходных и всех других преобразований переходного периода таким образом, чтобы в жертву целям революции приносились *старые формы организации* общественной жизни (старые институты), а не *конкретные люди* по принципу «нет человека - нет проблемы».

Принципиальным является вопрос не о принудительном вмешательстве в прежние общественные отношения с целью ликвидации основ прежнего строя, а вопрос о допустимой мере и допустимых способах принуждения, то есть вопрос о **соотношении принуждения и свободы** в революционно-демократических преобразованиях.

Проблема соотношения принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях – это проблема следования революции (и в теории, и в практической политике) гуманистическим, в том числе демократическим принципам как принципам *самоценным*, допускающим ограничение свободы исторического выбора (принуждение) лишь в определенной степени, в определенных формах, в определенных границах.

Превышение допустимой меры принуждения – это деформация или же (если такое превышение становится нормой) необратимое перерождение изначально (по целям) демократической революции. Превышение допустимой меры принуждения становится *закономерным*, когда властные структуры узурпируют субъектность тех социальных групп, от имени и якобы в интересах которых они выступают. Так случилось в России и после 1917 года, и после 1991 года.

Превышение допустимой меры принуждения может происходить по разным направлениям, в разных формах и по разным причинам. Теория революции и ее реальная история – вещи разные. Недопустимо оправдывать политическую практику, в которой доминируют методы принуждения к новым формам общественной жизни. Необходимо – в интересах трудящихся – анализировать причины и следствия такой практики и извлекать уроки из отступлений от демократических и гуманистических принципов.

Диктатура и демократия как формулы политической практики

Диктатура и демократия *противоположны* как способы политической практики, способы взаимоувязки интересов и действий социальных сил.

Демократическая политическая практика обеспечивает единство общества при помощи **согласования** противоречивых общественных интересов.

Диктатура как политическая практика, противоположная демократии, обеспечивает единство общества при помощи **подавления** интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы. Понятия, тождественные диктатуре как формуле принудительной политической практики, как насильственному способу решения практических ситуаций, – командно-репрессивный режим, политический произвол, политический террор, полицейский деспотизм и т.п. В реальной российской (и не только в российской)

теоретическими рассуждениями о том, что диктатура пролетариата нужна для утверждения демократии, прикрывался партийно-государственный терроризм.

Особый вопрос – методы исторического творчества народа **в периоды «революционных вихрей»**.

По В. И. Ленину, революция в узком значении слова – это период революционных вихрей: народных восстаний, гражданских войн, период перехвата политической власти, когда народ творит свою историю особыми приемами, особыми методами, чуждыми иным периодам политической жизни⁴².

Обобщая в 1906 г. опыт первой русской революции, Ленин выделяет следующие наиболее существенные, по его мнению, из этих особых методов⁴³:

1) *"захват" народом политической свободы*, – осуществление ее, без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.);

2) создание новых органов *революционной власти*, – Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п.;

3) *применение народом насилия по отношению к насильникам над народом*.

Ленин трактует эти особые методы исторического творчества народа в период революционного вихря как, в зачатке, диктатуру революционных элементов народа. Это относится и к новым органам, которые создавались самодеятельностью народа и действовали как власть: «Описанные нами органы власти были, **в зародыше, диктатурой** (выделено мною – ГР), ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей»⁴⁴.

Здесь у Ленина «диктатура» имеет существенно иной

⁴² См.: Ленин В. И. *Победа кадетов и задачи рабочей партии / ПСС. Т. 12. С. 315, 317; е г о ж е. К истории вопроса о диктатуре (Заметка) / ПСС. Т. 41. С. 379.*

⁴³ Там же. Т.12. С. 317, 318. Т.41. С. 379, 380.

⁴⁴ Там же. Т.12. С. 318. Т.41. С. 380.

смысл, нежели в категории «диктатура пролетариата», фиксирующая государственный характер власти пролетариата. Внимание акцентируется на том, как в период революционного вихря «вырастает, возникает» новая власть «наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее»⁴⁵. Но вырастает какая власть – диктатура, опирающаяся на насилие, не признающая никаких законов? Или народно-демократическая власть, порождающая новые законы – демократически принятые, демократические по содержанию? По Ленину – вырастает диктатура.

В пылу полемической борьбы В. И. Ленин формулирует в брошюре 1906 г., а затем воспроизводит в 1920 г. следующее определение:

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»⁴⁶.

Нельзя не согласиться с таким определением диктатуры как формы политической практики.

Ленинские рассуждения отражают действительный характер действий *классово неорганизованной массы (толпы)* в период «революционных вихрей». У Ленина же находим конкретно-образное описание такого рода стихийных действий, не поднявшихся до цивилизованной самоорганизации: «Мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право»⁴⁷.

Так бывало в истории, но это – вовсе не закономерность революционных периодов. К примеру, антитоталитарная революция 1988-1991 годов в прибалтийских республиках СССР, да и в России

⁴⁵ См.: Ленин В. И. *Победа кадетов и задачи рабочей партии / ПСС. Т. 12. С. 319;* *е г о ж е. К истории вопроса о диктатуре (Заметка) / ПСС. Т. 41. С. 382.*

⁴⁶ Там же. Т. 12. С. 320. Т. 41. С. 383.

⁴⁷ Там же. Т. 12. С. 320-321. Т. 41. С. 383.

обошлась организованными мирными, ненасильственными действиями народа.

И, конечно же, отступлением от гуманизма является признание допустимым применение новой властью *после* революционного политического переворота такого же типа методов, которые применяет неорганизованная толпа (произвол, насилие, бессудные расправы, нестесненность никакими правилами и пр.).

Политический переворот сам по себе не гарантирует перехода общества в русло социалистического развития. Он лишь кладет начало процессу исторического выбора обществом социального облика своего будущего. Содержание процесса исторического выбора (переходного периода) составляет борьба социальных сил по поводу путей выхода из системного общественного кризиса. Новая власть стоит перед соблазном «опереться непосредственно на насилие», превысить допустимую меру принуждения ко всем, кто не согласен с ее решениями и действиями. Теоретическое обоснование (оправдание) таких методов, тем более, практическая уступка такому соблазну заведомо ведут (и привели после Октябрьской революции 1917 г.) к противоположной направленности переходных процессов по отношению к демократическим целям социалистической революции.

Закономерный результат превышения допустимой меры принуждения в период исторического выбора - **институционализация принуждения как доминирующей и устойчивой формулы политической практики**, утверждение не демократического (буржуазно-демократического или социалистического) государства, а режима диктатуры под теми или иными правовыми и идеологическими масками. Именно это обстоятельство заставляет не соглашаться и с тезисом современных либералов о необходимости диктатуры для перехода к демократии.

Проблема соотношения принуждения и свободы (добровольности) в переходный период от старого к новому общественному строю мало разработана и, можно сказать, даже и не поставлена должным образом ни в

марксизме, ни в других научных направлениях. В этой области можно констатировать этап накопления фактов и отдельных обобщений, а не формирование общей теории вопроса, охватывающей причины, направления, формы и результаты превышения политической властью допустимой меры принуждения в революционно-демократических преобразованиях. Один из шагов в сторону разработки теории вопроса – концепция деформаций и перерождений социализма⁴⁸.

*

* * *

Пересмотр концепции диктатуры пролетариата, отказ от этой концепции в пользу концепции народной демократии выдвигает на роль научной проблемы, актуальной для освободительных движений трудящихся, проблему исторического субъекта последовательного революционного гуманизма.

Является ли таким субъектом современное рабочее движение, современные социальные движения? Или же для перехода в русло народно-демократического (социалистического) развития необходимо формирование новых социальных фигур, способных не отступать от демократических способов политического взаимодействия в пользу политической диктатуры, произвола, террора?

Обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи, но с ответами на них связано окончательное преодоление идейно-теоретического заблуждения – учения о диктатуре пролетариата. Отказ от этого учения – необходимая предпосылка плодотворного развития концепции народно-демократической революции и народно-демократических форм власти.

⁴⁸ См.: *Очерки политической экономики социализма.* – М.: Наука. 1988. С.57-65, а также: *Ракитский Б. В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки.* – М.: Наука. 1990. С. 20-29.